ПОДВИГ

ОБРЕТАЕТ

Дочери Урала в солдатском строю

ИМЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Этот сборник очерков — третья книга свердловских журналистов из серии «Подвиг обретает имя». Он выходит в свет к тридцатилетию великой Победы советского народа над немецко-фашистскими оккупантами. Неоценим вклад Урала в эту победу.

В настоящий сборник включены очерки о воинах-девушках. На фронте их было немало. Они геройски сражались с врагом в цепях атакующих, метко били фашистов из снайперских винтовок, были связистами и медицинскими сестрами, летчиками и врачами. А ныне они среди нас: живут в нашем уральском крае. И это символично, что книга о них выходит в Международный год женщины.

- Дочери Урала в солдатском строю
  -
  - В. Симонов
  - А. Пшеницын
  - В. Косарев
  - П. Коверда
  - А. Левин
  - Э. Молчанов
  - П. Бабоченок

Дочери Урала в солдатском строю

Дочери Урала в солдатском строю

СБОРНИК
ОЧЕРКОВ
ИЗ СЕРИИ

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО · 1975

В. Симонов
ОПАЛЕННАЯ ПАМЯТЬ

Поредевшая за неделю беспрерывных боев, рота наконец получила небольшую передышку. Отойдя под прикрытием ночи во второй эшелон, бойцы устало повалились на землю.

Сквозь гул отдаленного боя временами доносился хрипловатый голос старшины батальона:

— Обед простынет, подходи…

Но есть никому не хотелось. Опаленными губами люди жадно припадали к звонкой жилке пробегающего по овражку ручья и, будто подкошенные, снова валились на дно окопов.

Медсестра роты старший сержант Фрося Леонова, которую, впрочем, никто не называл здесь по званию, тоже ополоснула разгоряченное лицо и, подобрав ноги под полы шинели, уткнулась в свою санитарную сумку прямо на берегу ручья. Весь остаток ночи ей мерещились фашистские танки, наползающие прямо на раненого солдата, которого никак не удавалось оторвать от земли, и она швыряла в них гранаты. Танки отступали на миг и снова наседали с неистовым грохотом. Наконец сквозь весь этот кошмар она явственно услышала чей-то знакомый, но еще неузнанный голос: «Сестричка, а сестричка…» Ну конечно же — раненый зовет на помощь! И опять этот голос: «Да очнись ты, сестричка! Слышь?..»

Фрося открыла глаза и, ничего еще не соображая, приподняла голову. Не было рядом никаких танков. И раненого солдата не было. Просто кто-то из своих осторожно тряс ее за плечо и не мог добудиться.

— А, Филиппыч! — наконец узнала она пожилого солдата. — Ты чего не спишь?

— Да я-то, может, и посплю малость, а вот тебе, сестричка, подыматься велено. В роту капитана Кузнецова приказано идти. Это которая нас на передке сменила. Медсестры, говорят, у них нет, а вот-вот в бой подниматься…

Так и не отдохнув как следует, Фрося снова зашагала в сторону переднего края, где, как и вчера, как всю прошлую неделю, не умолкая гремел бой.

Капитан Кузнецов встретил ее с удивлением:

— Кто это тебя прислал сюда? А ну — марш на кухню. Сейчас тут такое начнется…

И правда, с рассветом батальон, в который прибыла медсестра, перешел в наступление. В цепи одной из рот шла и

она. Враг неистовствовал. На наступающих обрушился дьявольский шквал фашистского огня и металла. Вокруг слышались не просто разрывы мин и снарядов, а стоял сплошной, не умолкающий ни на минуту грохот.

Припадая к земле, Фрося перебегала от одного раненого к другому, наскоро перевязывала их и снова догоняла роту. Потом, когда батальон зацепился за вражеские укрепления, вместе с подоспевшими санитарами она перенесла пострадавших в укрытие и побежала было к отдалявшейся роте. Но ее остановила чья-то вымученная сквозь боль мольба:

— Сестричка, воды…

Фрося привычно сдернула с ремня фляжку, но она оказалась пустой. Две рваные пробоины высушили ее до дна.

«Ручей! Ведь рядом ручей есть…» Собрав у раненых несколько фляжек, она благополучно перебежала через простреливаемое поле и кубарем скатилась в овраг. Назад вернулась без происшествий и напоила всех студеной родниковой водой.

А вот дальше… Нет, того, что было дальше, она не знает и по сей день. Помнит лишь: догнала свою роту, оставался всего шаг до траншеи, где закрепились солдаты, но вражеский снаряд опередил, не дал ей сделать этого шага…

Потом, когда враг был смят и отброшен назад на многие километры, ее долго искали на еще не остывшем поле боя. Искала и рота Кузнецова, и своя, которую она покинула на рассвете. Но тщетно. Солдаты нашли лишь ее санитарную сумку. Два дня комбат носил в своей планшетке похоронную записку, все не решался отправлять ее. На третий день отправил…

А Фрося между тем была жива. Уже перед вечером ее, тяжело раненную, почти без признаков жизни, случайно обнаружил подвозчик боеприпасов из соседнего танкового корпуса и доставил в свой медсанбат.

В себя она пришла только через восемь суток, уже в Казани, куда доставили ее санитарным поездом. Опасное ранение в голову и тяжелейшая общая контузия — определили врачи.

В небольшой палате, куда поместили ее, находились еще две девушки. Одна из них, Маша, была летчицей, после сильного ранения она осталась без ноги. Вторую звали Верой. Воевала она в стрелковом полку и в бою потеряла руку. Так вот, просыпаются они однажды утром и видят: их новая подруга по несчастью открыла глаза. Тут же в палату сбежались врачи, медицинские сестры.

Фрося смотрела на них и ничего не могла понять. Где она? Что за люди вокруг? Прислушалась — ни звука. Только какой-то

приглушенный шум в голове и боль по всему телу.

Одна из женщин, по-видимому врач, подошла к изголовью кровати и наклонилась над Фросей.

— Назови свое имя, милая, — ласково попросила она.

Фрося молчала. Впрочем, в эту минуту, даже если бы к ней вернулся слух, она не смогла бы сказать ни слова: тяжело контуженная, девушка потеряла дар речи и совершенно не помнила свое прошлое.

Лишь через месяц усиленного лечения в ее сознании стало кое-что проясняться. Первое, что вспомнилось ей, были имя и фамилия. Затем память вернула ей название родного края. Даже речку детства вспомнила, дом, мать.

Мать! Как ей сообщить, что она жива? Как сказать ей о своей беде?

Однажды Александра Павловна, лечащий врач, поднесла к глазам девушки бумажку, и она прочитала:

«Как тебя звать? Откуда ты родом?»

Фрося слегка пошевелила непослушной рукой и, почувствовав в ней карандаш, не глядя, вывела на подложенной тетради: «Фрося Леонова, Куртамыш Курганской области…» На большее не хватило сил.

Медицинская сестра Лена тут же написала письмо на родину Фроси. Но кому было его адресовать? Опять разговор с ней через бумажку. «Анна Ворфоломеевна — мама…» — написала девушка и надолго потеряла сознание.

Еще через месяц понемногу стал возвращаться слух. Об этом Фрося известила своих подруг по палате, показав им на репродуктор. Сколько было радости у всех!

— Ну, теперь осталось заговорить! — подбодрила ее Александра Павловна. Но речь к ней по-прежнему не возвращалась. Вопросы слышит, а отвечает только с помощью карандаша и бумаги.

Однажды, как раз перед завтраком, Маша и Вера разговорились о том, чего бы они хотели покушать, и шутя спорили, что лучше: вареники или пельмени? И вдруг в их голоса звонко и явственно вплелся третий: «А я хочу чаю с молоком…»

— Фрося? Заговорила! — воскликнула Маша.

На радостях она забыла про костыли и чуть не свалилась на пол. Первой к подруге подбежала Вера и начала тормошить ее:

— Повтори! Повтори, что ты сказала!

— Хочу чаю с молоком, — спокойно сказала Фрося и только теперь осознала, чему так буйно радуются ее подруги. Потом испугалась: а вдруг больше ни слова не получится…

На шум сбежались Александра Павловна, Леночка. Даже тетя

Маша, санитарка, всегда немножко по-старчески добродушно-ворчливая, на этот раз тек и расцвела в радостной улыбке:

— Я всегда говорила: ты сильней германца. Еще «ура!» над ним кричать будешь…

Да, могучее русское «ура!» неукротимым половодьем уже разливалось по всем фронтам: к концу шел 44-й год. Вот только одно тревожило Фросю: как там ее рота? Где теперь она бьется? Письма, правда, с фронта изредка приходили, но разве в них все опишешь. Да и не верится им как-то. Вон мать и та не верит ее строчкам. Это, говорит, наверное, медсестра Леночка по доброте своей все успокаивает ее. Но мать понять можно: после получения похоронки чего не подумаешь.

Впервые за многие месяцы Фрося наконец прошлась по палате. По-прежнему стройная, красивая, она будила в подругах добрую зависть и, чувствуя это, как могла, утешала их. А чем утешить, скажем, ту же Машу? Не взлететь ей больше в небо, не закружиться в вальсе. Только и сказала подруге:

— Я еще за тебя отомщу. Скорее бы вот поправиться…

Сказала и напугалась вдруг: а что скажут врачи? Отпустят ли на фронт?

И основания для таких тревог были. Чуть ли не каждый день припадки, боли в голове. А главное — медленно возвращалась память. В ней были такие провалы, что она порой не могла вспомнить многие события даже недавнего прошлого.

«Надо начать описывать свою жизнь с самого детства. Может, так все по порядочку и вспомню…» — решила Фрося и засела за дневник. Целыми днями и вечерами, напрягая память, звено за звеном она восстанавливала цепочку своей жизни. Цепочка эта получалась прерывистой, но упорно тянулась, воскрешая одно событие за другим. Да, родное село Куртамыш она вспомнила первым. И речку Куртамышку вернула ей непослушная память. Но что было вокруг? Кто были друзья ее детства, юности? Один пропуск, другой… Как на фотобумаге в слабом проявителе, возник в воображении нерезкий образ какого-то Андрея. Ах да, вспомнила: Андрей Рыжков, ее нареченный. Ведь это он тогда, в 41-м, провожал ее на фронт из Челябинска. Потом сам писал с фронта. Андрюша, где ты теперь? Жив ли?

Странное совпадение: на этих строчках кончаются ее воспоминания, записанные в казанском госпитале. Лечение Фроси продолжалось в Москве. И тут на ее имя пришло сообщение о гибели Андрея: лишь ее адрес хранился в его медальоне.

Удар — в самое сердце, но Фрося пишет в своем дневнике: «Главная трагедия в жизни — прекращение борьбы

(Н. Островский)». И она продолжила борьбу с недугом — каждой страницей дневника упорно вырывала себя из забытья.

И вот спустя почти тридцать лет я держу в руках страницы этого дневника, вчитываюсь в них и невольно перевожу взгляд на самою Ефросинью Меркурьевну. Неужели она, вот эта хрупкая, уже немолодая, но счастливо сохранившая свою былую красоту женщина, оказалась способной вынести, пережить и выстрадать все, что обрушилось тогда на ее плечи? Сотни спасенных жизней и десятки лично убитых ею врагов — это всего лишь итог ее боевого пути. А как он складывался, этот итог? Как ее, эту голубоглазую пушинку с санитарной сумкой через плечо, не закружило, не стерло в кровавом месиве войны, где и солдат-то порой держался лишь потому, что он мужчина? Как?

Как-то мне на глаза попали такие стихотворные строчки поэтессы Э. Бояршиновой:

Ее дороги подвигами мерьте.
Всегда на самой линии огня,
Быть может, полк она спасла от смерти,
Себя в боях нисколько не храня.

Давайте вместе прикоснемся к страницам дневника Фроси Леоновой, и вы согласитесь: это — стихи о ней.

…В октябре 1941 года 260 девушек из Челябинской фельдшерской школы добровольно ушли на фронт. Санинструктор батареи Фрося Леонова была в их числе. И путь их вместе с только что сформированной артиллерийской бригадой лежал на юго-западное направление.

До места назначения они так и не доехали: в пути их эшелон разбомбили фашистские стервятники. Пятнадцать человек уже в этот раз Фрося вынесла из огня и перетащила за три километра в лес. Шестнадцатую перевязку сделала себе.

Потом — переформирование, новая часть, а в 1942 году бесконечные, тяжелые, сдерживающие врага бои до самого Сталинграда.

231-й стрелковый полк 72-й стрелковой дивизии встал у стен тракторного завода. Здесь, в роте капитана Шикалева, занявшей оборону у склада запчастей, и развернула Фрося свой «госпиталь». По 10—15 раненых за каждый бой приходилось ей выносить на своих плечах в эти дни, а потом под покровом ночи, самой же переправлять их через Волгу под ураганным огнем гитлеровцев.

«Однажды, — пишет она в своем дневнике, — эвакуировала я тяжело раненных лейтенантов Зяблицева и Еремина. На левый берег мы доплыли благополучно, а вот когда возвращались, плот разбило снарядом. Чуть сумку свою не утопила…»

Сумку… Себя чуть не утопила. Солдаты тогда спасли ее и еле живую вытащили на берег. Много таких рейдов через Волгу сделала она на самых различных переправочных средствах… Когда получала первую медаль «За отвагу», в приказе командир дивизии объявил так: «За спасение 162 раненых бойцов и командиров…»

С наступлением холодов 231-му стрелковому полку было приказано занять оборону у железнодорожного вокзала. Прорывались к нему с боем, и каждая рота — своим маршрутом. На рассвете выступила на своем направлении и рота Шикалева. Только враг тоже не дремал и обрушил на подразделение шквал огня.

От укрытия к укрытию Фрося перебегала вместе с другой медсестрой — Дусей Смыковой. Они наскоро перебинтовывали раненых, помогали им выбрать более безопасный путь и продвигались дальше.

— Фрося, сюда! — вдруг вскрикнула Дуся и склонилась над одним из бойцов. — Командир наш ранен, спасай его…

Фрося оттащила потерявшего сознание капитана в подъезд разрушенного дома и тут же услышала голос своей подруги:

— Ребята! Вперед — за мной!

Рота, поднятая медсестрой, смяла фашистский заслон и вышла в район вокзала. Вскоре сюда вместе с командиром доползла и Фрося.

Но бой не утихал. Чтобы надежно укрепиться у вокзала, нужно было соединиться с соседним полком, наладить огневое взаимодействие с его подразделениями. Нужно. Но враг опередил и успел вклиниться между полками. Из кирпичной сторожевой будки, находившейся между флангами полков, гитлеровцы вели огонь по наступавшим, да так, что головы нельзя было поднять от земли.

— Разрешите, я подорву этот скворечник гранатой, — обратился к командиру взвода молодой солдат Николай Макаров.

— Да ты понимаешь, на что идешь? — возразил было лейтенант. — Смотри, как чешет…

— Смотрю. Только я перехитрю гадов.

— Ну, если так — вперед!

Фрося долго провожала взглядом храброго солдата, готовая в

любой миг, если понадобится, броситься ему на помощь. Но вот в последний раз его каска мелькнула за грудой битого кирпича, и он скрылся из глаз. 30, 40 минут томительного ожидания. Фашисты ни на миг не прекращают огонь. Неужели Макаров попал под их пули? Наконец где-то через час до роты докатился сильный взрыв, и огневая точка врага замолкла.

— Взвод, вперед! — подняла в атаку бойцов команда.

Фрося тоже стремглав неслась к сторожевой будке. «Где Макаров? Почему его нет в цепи наступающих?» — билась в сознании тревожная мысль. Наконец она увидела его. Черный, опаленный, уткнувшись лицом в снег, он лежал почти рядом с будкой и тихо стонал. Струйка алой крови стекала с губ на неуклюже согнутую правую руку. Взвалив на себя солдата, Фрося поползла было обратно, к вокзалу, как вдруг почувствовала сильный тупой удар в ногу. Следом щелкнули выстрелы. По привычке вскинула автомат и тут же увидела, как, пригибаясь к земле и отстреливаясь, группа гитлеровцев подбирается к разрушенной будке. Меткой очередью она уложила на месте фашистов.

— Хорошо стреляешь, Фрося, — услышала она слабый голос раненого.

— Жив, Коля! Молодец! — отозвалась медсестра и почему-то заплакала. Может, от радости, что спасла солдата, может, от пули, которая летела в сердце, а угодила в ногу.

Еще одна запись в дневнике:

> «Какая радость — спасти боевого друга, помочь ему, когда он в беде! И как трудно прощаться с другом, провожать его в последний путь. Вчера похоронили Дусю. Какая потеря! И какая обида: прошла пекло Сталинграда без царапинки, а тут не повезло: пуля в грудь, навылет. Умирала у меня на руках со словами: «Как я мало сделала! Бейте фашистов и за меня и за себя…» Уж я постараюсь, Дуся, отомщу за тебя».

Дорога Фросиной мести была длинной и трудной. От стен Сталинграда она протянулась на Белгород, Харьков, Полтаву, Кременчуг, Знаменку. И сколько длилась эта дорога, столько были бои. В память о них у нее остались благодарности Верховного Главнокомандующего и вечная благодарность спасенных ею воинов.

И вот тот роковой бой, когда вражеский снаряд опередил ее всего на один шаг. О нем в дневнике — ни слова. О нем будут помнить те четырнадцать раненых солдат, которых Фрося успела

вынести из-под огня и напоить ключевой водой.

В дневник ложатся другие строки:

> «Куда моя память делась? Голова болит… Вот проклятый фашист, всю память отбил. Но я все вспомню. Я еще буду драться — за Дусю, за Машу, за Веру. За всех погибших и изувеченных. Только бы врачи разрешили…»

В московском госпитале Фрося стала быстро поправляться. Все реже случались с ней припадки, но они все же тревожили врачей.

Приближался срок медицинской комиссии, и чем меньше листков календаря оставалось до него, тем страшнее было Фросе. Ну не странно ли: это чувство она не испытывала даже перед врагом, а тут свои, те, кто избавил ее от страшного недуга, и она боялась предстать перед ними.

— В бою-то ведь страшнее, — подзадоривали ее подруги по палате, но она не соглашалась с ними.

— В бою! Там боец — сам хозяин положения, а тут? Как скажут, так и будет. А мне на фронт бы, к своим. Может, и отца еще где встречу…

Об отце Фрося вспомнила не случайно. Дело в том, что чуть ли не всю войну они шли одними путями, а встретиться так и не довелось. Капитан Меркурий Моисеевич Леонов, командир роты связи из соседней дивизии, дважды бывал в ее родном полку, но ему не везло. Один раз, узнав, что Фрося находится в только что отъехавшем грузовике, он долго бежал за машиной, но дочь не узнала его. В другой раз он не узнал свою дочь, когда та раненая, без сознания лежала на носилках перед отправкой в медсанбат, и он прошел мимо. И вот теперь, перед выпиской из госпиталя, она верила, что по возвращении на фронт обязательно встретит отца.

Случилось то, чего Фрося боялась: медицинская комиссия признала ее негодной для строя. Ни мольба, ни слезы, ни угроза побега не могли поколебать решения врачей. И все же случай помог ей добиться направления на фронт.

Еще накануне она написала слезное письмо командиру полка гвардии подполковнику Гордиенко, в котором без утайки рассказала обо всем, что произошло. И вот теперь его ответное письмо оказалось весьма кстати. В нем он обращался непосредственно к начальнику госпиталя, просил его о Фросе Леоновой и заверял, что «по возвращении в полк она будет находиться не в роте, а в медсанбате».

Слово командира помогло Фросе перетянуть чашу весов в свою сторону.

Мыслимое ли это дело — оторвать солдата от своей роты, с которой он прошагал всю войну? Конечно же, ни в какой медсанбат не пошла и Фрося.

Война шла к концу. Но пули и осколки снарядов от этого не стали милосерднее. В непрерывных атаках по-прежнему падали бойцы. Значит, и у медсестры роты долг оставался прежним.

…Перед этим боем лейтенант Девин все шутил:

— Вот перемахнем этот пригорочек, и битте — в Австрию…

Но перемахнуть его одним махом не удалось. Первым на склонах высоты поплатился Девин, который хотел выйти со своим взводом во фланг вражеской огневой точки. Он лежал на открытом месте, за камнем, а вокруг, поднятые пулями, вскипали фонтанчики пыли. Фрося вскинула автомат и обстреляла фашистского пулеметчика. Тот, видать, заметил ее и перенес огонь на траншею. В следующее же мгновение девушка кубарем скатилась в овражек.

— Куда тебя черт понес? — ругнулся ей вслед кто-то из бойцов, но она уже была в безопасности.

Замысел ее был прост: подползти по овражку как можно ближе к раненому офицеру, одним рывком выхватить его из лап смерти и — снова в овраг. Но не разгадает ли этот замысел враг? На всякий случай бойцы, находившиеся на правом фланге залегшей цепи, открыли по пулеметчику отвлекающий огонь. И тот «клюнул». Только первая строчка ответных пуль прошлась по брустверам окопов, как медсестра бросилась к лейтенанту. Еще мгновение — и оба уже были на дне оврага. Вскоре артиллеристы разбили вражеский пулемет, и рота с криком «Ура!» скрылась за высотой.

После боя солдаты нашли своего раненого лейтенанта. Он лежал перевязанный все там же, в овражке. Рядом, корчась в судорогах, билась Фрося. У нее продолжались припадки…

Трудно ей приходилось в этих боях. Еще не окрепшая как следует, она быстро уставала, испытывала сильные головные боли и очень стеснялась, когда приходила в чувство после очередного приступа. А они были нередко, и бойцы, как могли, утешали свою боевую подругу, помогали ей бороться с недугом.

В первый же день вступления в Австрию ей пришлось пополнять запасы своей санитарной сумки. В предыдущих боях и переходах они у нее иссякли. Вот почему в первом же населенном пункте она решила раздобыть хотя бы чистые простыни для бинтов и зашла во двор какого-то большого дома. Заглянула в одно помещение — пусто. Только вышла было во двор, как на нее набросились две огромные собаки. Фрося успела укрыться за дверью. Придя в себя, она посмотрела в щель и заметила

неподалеку какого-то мужчину в штатском.

— Помогите! — попросила она его, но тот лишь зло зыркнул глазами и скрылся за другой дверью.

Не хотелось ей убивать невинных собак. Но что оставалось делать?

На выстрелы прибежали офицер и два солдата. Вчетвером обошли весь дом, но в нем никого не было.

— А тебе не померещилось? — с недоверием посмотрел на нее лейтенант и тут же смутился: Фрося не из тех, кому мерещится всякая чертовщина.

Еще раз обошли весь дом и в сенях обнаружили люк, ведущий в подвал. Открыли его, и лейтенант крикнул:

— Сдавайтесь, будем стрелять!

Из подвала донесся лишь какой-то шорох, затем в раствор люка ударила автоматная очередь.

— Сдавайтесь, бросаю гранату! — еще более настойчиво потребовал офицер. «Найн, найн! Гитлер капут…» — наконец послышалось из подвала, и один за другим из него вышли двенадцать фашистов. Фрося легко опознала среди них и того, который спустил на нее собак. В подвале дома был обнаружен целый арсенал оружия и боеприпасов.

Немало бед могли бы еще принести эти недобитые гитлеровцы, не случись с Фросей такого приключения.

9 мая, День Победы. Но призывный голос восставшей Праги бросил 72-ю стрелковую дивизию из Австрии в новые бои. Не обошли они и медсестру роты старшего сержанта Леонову.

…На подступах к столице Чехословакии батальон неожиданно обстреляли из засады. Но где враг? Откуда ведет огонь? Поди разберись. Появились первые убитые, раненые. Бойцы залегли там, где их застали выстрелы. Место открытое, лишь мелкие придорожные кюветы немного защищали от пуль.

Из-за поворота дороги показался какой-то человек. Он что-то кричал на бегу и все показывал на огороды, за которыми сквозь дым близкого пожара просматривались крестьянские дома. Человек тоже с ходу рухнул в кювет и на ломаном русском языке спросил первого попавшегося бойца:

— Командир мне…

— Ну, я — командир. Что вам надо?

— Там — броневой машина. Я показываю…

Через несколько минут один из взводов во главе с проводником-чехом скрылся в ближайшем саду. Но это пока не приносило облегчения. Раненые просили помощи, а поднять голову, добежать до них по-прежнему было делом немыслимым.

И все равно, рискуя собой, Фрося поползла от одного

раненого к другому. Затем, когда сгустились сумерки, она собрала их всех и укрыла в безопасном месте.

А враг все лютовал. Пристрелявшись по дороге днем, он и ночью продолжал держать ее под постоянным обстрелом. Наконец где-то совсем рядом раздался нестройный крик «Ура!», застрочили автоматы. Наконец-то! Еще через некоторое время на дороге показался проводник-чех, а за ним — целое войско: наш стрелковый взвод конвоировал плененных в замаскированных бронетранспортерах гитлеровцев. Человек двадцать головорезов набралось.

Наутро по цепи батальона пошла спешно выпущенная листовка-молния. Вот ее текст:

> «Во вчерашнем бою отличилась старший сержант Леонова Ефросинья Меркурьевна. Она была на переднем крае как санинструктор и, находясь в боевых порядках пехоты, вынесла из-под огня тринадцать тяжелораненых солдат и двух офицеров. Поздравляем тов. Леонову с боевым успехом! Подвиг тов. Леоновой служит живым примером верного служения Родине».

Отличная характеристика мужеству.

Два ордена Красной Звезды, боевые медали… В день парада Победы в Москве старший сержант Леонова пронесла эти награды мимо стен седого Кремля. Она прошла в колонне самых храбрых, самых мужественных бойцов и командиров 1-го Украинского фронта. И это место в колонне она занимала по праву.

Да, видеть, как из рук победителей летят к подножию Мавзолея В. И. Ленина знамена и штандарты поверженного рейха, — она завоевала это право.

В первые послевоенные годы Фросе Леоновой, этой неутомимой труженице войны, был отдан приказ лечиться. Еще два долгих года, каждый день сражаясь со своим недугом, она пролежала в госпитале.

Здесь повстречала и свою судьбу — такого же боевого, как сама, и израненного фронтового офицера Вячеслава Отраднова.

И после выхода из госпиталя жизнь ее сложилась нелегко. До 50-го года — инвалид 1-й группы. Старые раны безвременно лишили ее любимого мужа. Одна отрада оставалась у Ефросиньи Отрадновой — ее дети, в которых, можно сказать, она повторила себя, свою боевую молодость. Старшему, Феде, когда он подрос, подарила свои фронтовые погоны и сказала: «Стань военным». И он стал, закончив Челябинское высшее военное автомобильное командное училище. Когда повзрослела дочь Татьяна, и для нее

нашелся символ материнского напутствия: ей она вручила сохранившийся у нее с войны медицинский шприц и сказала: «Тебе быть медиком». И Таня Отраднова стала медицинской сестрой.

Сама Ефросинья Меркурьевна тоже не отошла от больших дел. Правда, перенесенные беды не дали ей возможности трудиться по специальности, но она нашла свое новое призвание на посту старшего инспектора по кадрам в Уралмонтажавтоматике, где работает уже более двадцати лет. А ее общественно-политическая и военно-патриотическая работа! Она состоит членом военно-научного общества при Свердловском окружном Доме офицеров, где является заместителем председателя совета женской секции ветеранов войны. Ее часто можно видеть в подразделениях свердловского гарнизона. Слову мужественной фронтовички здесь всегда рады, его ждут, на нем учатся солдаты верному служению Родине. Пожалуй, чаще, чем дома, Ефросинью Меркурьевну застанешь в школах Свердловска, где она ведет уроки мужества, рассказывает нашим детям о подвигах советских воинов в годы минувшей войны. Одним словом, о медицинской сестре старшем сержанте Ефросинье Меркурьевне Леоновой-Отрадновой сегодня не скажешь, что она в запасе.

Недавно мне довелось побывать у Ефросиньи Меркурьевны на ее свердловской квартире. Я смотрел на эту женщину и невольно сравнивал ее с той, некрасовской, которая «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». Она и впрямь такая, настоящая русская женщина.

А. Пшеницын
СОРОК СЕМЬ ПОЕДИНКОВ

Цвела сирень. Воздух, настоенный на ее аромате, ветер разносил по улицам Свердловска. Центральная площадь города и выходящие на нее магистрали были, как всегда, полны народа. В небольшом скверике перед драматическим театром на скамейках не было свободного места.

В потоке людей, беспрерывно выходящих из здания пассажа, шла моложавая женщина в летнем цветастом платье и с небольшой сумочкой на руке. Она направлялась в скверик, видимо, хотела отдохнуть после хождения по этажам универмага. В это время с другой стороны в сквер торопливо входила еще одна женщина. Дороги их сошлись у небольшого фонтанчика, в струях которого баловались ребятишки. Увидев друг друга, они остановились, словно не веря, что такая встреча возможна. Замерли на несколько секунд, а потом бросились в объятия друг к другу.

— Зина?!

— Лена?!

Сидящие вокруг на скамейках люди удивленно рассматривали их, а женщины никого не замечали. Расцеловались у всех на виду и стали искать место, где бы присесть. С ближней скамейки поднялась молодая пара, и юноша предложил женщинам занять их места.

Сели. Перевели дух. Посмотрели друг на друга, но ни слова не промолвили, просто не знали, с чего лучше начать.

— Помнишь… — это слово вырвалось у обеих вместе.

Им было о чем вспомнить после долгой разлуки. Сменялись одни за другими соседи по скамейке, а они все сидели и говорили. Сидели и говорили…

…Шел трудный 1942 год. Война напоминала о себе на каждом шагу. В зданиях многих свердловских школ и институтов разместились госпитали, возле военкоматов с утра до вечера не умолкал людской говор, площади и улицы опустели. Военное лихолетье сделало город еще более деловым, а его жителей — суровыми, озабоченными судьбами Родины.

На фабрике, где в это время работала 17-летняя Зина Чернова, только и было разговоров что о военных занятиях. Почти все девчата, отработав смену, оставались на уроки по военному делу.

На курсах снайперов вместе с Зиной Черновой училась ее подруга Елена Вершинина. Занятия проводились почти ежедневно и продолжались по нескольку часов кряду. Начинались они, как правило, читкой последних сообщений Советского информбюро. Вести были неутешительными. Враг неудержимо рвался вперед, огнем и кровью заливал родную землю. Сердца девушек сжимались при сообщениях о зверствах фашистских оккупантов, руки крепко держали винтовки, Сознание того, что они вместе с воинами Советской Армии скоро смогут противостоять жестокому врагу, умножало силы. Как-то забывалась и жизнь впроголодь, и другие неполадки. Все было подчинено одному — ударно работать, как можно больше дать продукции для фронта, а вечерами учиться воевать, учиться без устали, напряженно.

На курсах девушек обучали люди, которые уже успели побывать в боях, получить не по одному ранению. Подлечились и теперь готовили боевые резервы в тылу. Как завороженные, слушали девчата их рассказы о том, с каким героизмом Красная Армия ведет борьбу с немецко-фашистскими захватчиками. Каждая встреча с фронтовиками все больше убеждала девушек в том, что враг будет разбит, но это потребует большого напряжения сил и умения.

Быстро и как-то даже незаметно промелькнули шесть месяцев учебы. Пришла пора экзаменов. Главная проверка была по стрельбе — для будущих снайперов это первое дело. На огневом рубеже каждая девушка получала винтовку с оптическим прицелом и боевую задачу.

Переживали все — и ученицы, и учителя. Большинство девчат отстрелялись отменно. Зинаида Чернова и Елена Вершинина били из снайперской винтовки лучше других.

25 ноября 1942 года свердловчанки, в числе которых были Зина и Елена, стали бойцами Красной Армии. В тот же день их вместе с другими девчатами и парнями отправили в Москву, в Центральную снайперскую школу.

Снова потянулись дни напряженной учебы, и только в начале лета 1943 года из выпускников школы начали комплектовать снайперские команды для отправки на фронт.

Много слез пролила Зина Чернова вместе со своей подругой, но начальство было неумолимо, стояло на своем: будете служить в Центральной школе снайперами-инструкторами. Лишь в январе 1944 года им удалось выпроситься на фронт.

…Прибыли под Оршу в состав 174-й стрелковой дивизии. Девушки быстро подружились со снайперами-парнями. Один из них, восемнадцатилетний Александр Решетников, был тоже с Урала и здорово обрадовался землячкам. На его счету к тому

времени уже было 108 уничтоженных фашистов, и девчата разглядывали его винтовку с восхищением, дотошно расспрашивали обо всем. Зина попала под начало к Владимиру Распопову, тоже большому мастеру меткого огня.

Как-то после полуночи снайперы начали собираться на «охоту» за фашистами. Они надели белые маскхалаты, закутали в белые чехлы перископы. Проверили, чтобы ничего не гремело, и тронулись в путь.

Перед лощиной был небольшой выступ, поросший кустарником. Доползти до него было делом нетрудным, а там, между густыми ветками, можно было надежно укрыться. Поползли друг за другом. Последним двигался Владимир Распопов. Он тщательно заметал следы. Когда достигли выступа, Зина тихо спросила его:

— Зачем это ты делал?

— Никогда не считай врага глупей себя.

И тут же рассказал, что по нарушенной снежной целине немцы сразу же догадались бы, что в кустарнике кто-то есть, и выжгли бы все кусты огнем.

Когда рассвело, Зина посмотрела на то место, где ночью они ползли, и убедилась в правоте Распопова. Он так умело замел их следы, что снежный покров даже с близкого расстояния не казался нарушенным.

Так по крупицам вбирали девушки-снайперы окопную науку, без которой на войне солдату не обойтись.

С рассветом со стороны фашистов послышался лай собак. Распопов указал Зине направление стрельбы и добавил, чтобы лежала и не шевелилась. Прошло примерно с час. Мороз давал о себе знать, но надо было терпеть. Пальцы отогревали дыханием. Владимир еще более сузил круг наблюдения, указал дерево, из-за которого можно было ждать появления врага.

Зина до боли напрягала глаза. Через оптический прицел заданный участок местности просматривался подробно, но никого пока не было видно. «Ждать, ждать», — приказывала она себе и отгоняла, как могла, мысли о неудобствах.

Вдруг раздался выстрел Владимира Распопова, и тут же она почувствовала толчок в плечо и его шепот: «Смотри…»

В поле зрения ее прицела попал один фашист. Он валился, сраженный, видимо, пулей Распопова. Не успела Зина обрадоваться успеху напарника, как увидела, что к раненому подскочил второй. Подвела мушку под цель, затаила дыхание и нажала на спусковой крючок. Выстрела вроде бы и не слышала, почувствовала его только по отдаче прикладом в плечо. И тут второй фашист как-то неестественно распрямился, а потом

рухнул, как сноп, на снежный бруствер. «Мой», — пронеслось в голове Зины, и ей стало вдруг так радостно, что она забыла обо всем и хотела вскочить и закричать. Руки Распопова втолкнули ее еще глубже в снег, а хлесткие слова «не двигаться» быстро охладили пыл. Снова взглянула в прицел, и в это время раздался новый выстрел Владимира. Третий фашист был также сражен.

— Больше не стрелять, — еле слышно прошептал ей Распопов. — Если фашисты нас не засекли, считай, что повезло. Отлежимся дотемна, а потом выберемся.

Вскоре фашисты открыли пулеметный и минометный огонь, но по выступу, где притаились снайперы, они не стреляли. Видимо, не успели распознать, откуда стреляли.

— Пронесло, — больше угадала Зина по движению губ Распопова, чем поняла его шепот.

До темноты время тянулось томительно. Холод и голод брали свое, но Распопов не давал даже шевелиться. Сам терпел, и Черновой знаками показывал, что, дескать, лежи и не двигайся, если хочешь остаться живой. И только к ночи выбрались к своим.

Запомнился Зине и еще один совместный выход с Владимиром Распоповым.

…Затемно они заняли позицию на «ничейной» земле. Замаскировались как надо, стали наблюдать, ждать рассвета. Вдруг Владимир шепчет: «Смотри налево». Бросила взгляд и обомлела. Прямо на них крадучись двигались четыре фашиста.

— Первые двое твои, — услышала она за спиной.

Зина быстро навела оружие. «Только бы не промахнуться», — сверлила голову мысль. Нажала на спусковой крючок. Видела в прицел, как фашист ткнулся в снег и больше не поднялся.

Тут же громко прозвучав выстрел Владимира, и второй вражеский солдат остался лежать на снегу. Остальные двое бросились бежать.

— Не уйдешь, гад! — ловя в перекрестие прицела фашиста, проговорила про себя Зина и нажала на спусковой крючок.

Вслед за ней выстрелил и Распопов. И этих фашистов настигли меткие снайперские пули.

На 8 Марта 1944 года Зина Чернова имела на личном боевом счету пять убитых вражеских солдат. К празднику ее наградили медалью «За отвагу». Это окрылило девушку. Ей теперь хотелось доказать, что она действительно отважная. Зина смело шла на любое задание.

Это случилось в Польше. Фашистов выбили из одной деревни, но реку за селом наши бойцы с ходу форсировать не сумели, враг закрепился на противоположном берегу и — ни с

места.

Ночью снайперов перебросили на левый фланг дивизии. У фашистов здесь появился тоже снайпер, огонь которого причинял нашим много хлопот. К селу их подвезли на подводе, а дальше с проводником двинулись пешком. Ночь стояла лунная, все вокруг было хорошо видно, поэтому двигались осторожно. Местность к реке заметно понижалась.

Шли в темноте друг за другом. Вперед выходил проводник, остальные ждали. По его условному сигналу начинали двигаться.

Первой у снайперов шла Зинаида Чернова. Винтовку держала в готовности к открытию огня.

Вскоре подошли к дому, в котором располагался связист с радиостанцией. Он сразу же предупредил:

— С рассветом чтобы и головы не показывали. Фашист бьет без промаха. А где он сидит, никак не поймем.

Осмотрелись. Напротив домика, в который вошли снайперы, в расположении противника виднелся дзот. В темноте выбрать огневые позиции было трудно, но время не ждало, надо было до рассвета занять рубежи.

Так и сделали. Расположились удобно: теперь вражеский дзот, из района которого вел огонь снайпер, находился под перекрестным наблюдением.

Чернова с Железниковой выдвинулись слева. Им надо было видеть и пути отхода от дзота. Остальные две пары расположились несколько сзади, справа. Маскхалаты и сетки с голов не снимали даже в темноте. Враг попался опытный, и перехитрить его было не так-то просто.

На востоке начало сереть небо. Дело шло к рассвету. Залегли так, чтобы и не шевелиться, сколько бы времени ни пришлось выслеживать фашиста. Часы тянулись медленно. Вокруг стояла тишина. Стрельбы никакой не велось. Словно замерло все перед большой грозой.

Зина внимательно наблюдала в оптический прицел, стараясь уловить любое движение на переднем крае противника. А вокруг дышало осенью: желтели листья на деревьях, на ветру качались стебли жухлой травы. Природа увядала. Вспомнился родной Урал и его золотая осень. И так сильно захотелось домой, что рука невольно потянулась вверх, чтобы вытереть набежавшую слезу. Но тут же спохватилась, двигаться нельзя, это опасно. Сжала губы и стала ждать.

Время уже шло к полудню. Осеннее солнце хоть и не сильно, но пригревало, ветер утих. Снайперов разморило, но они упорно глядели в свои прицелы, ничем не выдавая себя противнику.

От дзота в тыл к фашистам вела небольшая ложбинка,

поросшая кустарником. Место это было очень удобным для огневой позиции, и Чернова чувствовала сердцем, что вражеский снайпер должен быть где-то здесь поблизости. Но он не подавал никаких признаков жизни. Девушку начали терзать сомнения: может, никакого снайпера уже и нет, сделал свое черное дело и перекочевал на другой участок фронта. Или так хитро затаился и коварно выжидает очередную жертву. Но приказ на войне есть приказ, и его надо выполнять, как бы трудно ни было.

Жажда сводила рот, пить хотелось неимоверно. Шум небольшого ручейка, журчащего метрах в десяти от девушек, еще сильнее раздражал их. Руки немели от постоянного напряжения, глаза слезились под солнцем.

Зина часто закрывала глаза, давая им отдохнуть, потом еще зорче продолжала всматриваться в ложбину. Никакого движения ни у противника, ни в нашем расположении не было. Все будто уснуло, и никто о войне и не думает. Но…

Потянул ветер. Зашумели под его напором деревья, начал качаться кустарник. Так захотелось Зине снять хоть на секунду надоевшую сетку и подставить лицо ветру. Но она опять подавила в себе это желание. Чуть-чуть пошевелила локтями, чтобы как-то снять онемение с рук, и продолжала наблюдать за ложбиной.

Ветер все плотнее прижимал к земле кустарник, за которым наблюдала Зина. Вдруг за одним из качнувшихся кустов она увидела тень. Она напрягла глаза, но больше так ничего и не смогла разглядеть и дала знать своей напарнице, чтобы и та поглядела за этим кустом.

Прошло еще часа два. День уже угасал, близился вечер. По небу поползли рваные темные облака. Дело шло, видно, к дождю.

Вдруг тот куст опять привлек внимание Зины. Насторожило ее то, что ветра не было, а ветви кустарника начали шевелиться.

Первой выстрелила Анна Железникова. Но, видимо, не попала в цель, а лишь напугала фашиста. Тот дернулся, и в этот миг в прицел Зина Чернова разглядела силуэт врага. Тут же прогремел ее выстрел, и она ясно видела, как фашист схватился за каску. Кусты сомкнулись.

Вскоре противник начал минометный обстрел. Мины, противно свистя в воздухе, стали падать на нашей стороне. Но то место, где укрывались девушки, было далеко от разрывов. Ответила огнем наша артиллерия. Завязался огневой бой.

Девушки лежали не шелохнувшись. Они и верили и не верили своей удаче. Теперь оставалось только ждать.

Когда над полем опустилась темнота, начали выбираться к своим. Снова собрались в той избе, из которой уходили предыдущей ночью на «охоту». Напарницы их пришли раньше,

потому что их позиции находились ближе, и с нетерпением ожидали появления Зины и Ани. Когда те зашли в избу, их сразу же стали поздравлять с успехом, все в один голос уверяли, что фашистский снайпер больше огня вести не будет.

Вскоре их предположения еще раз подтвердились. В домик пришли бойцы, они шли через ту поляну, по которой еще вчера никак нельзя было пройти: немецкий снайпер не давал. А сейчас они шли не таясь, огня по ним никто не открывал. Стало быть, нет больше того снайпера.

Жизнь на войне складывается не из одних удач и радостей. На фронте больше горя, крови и каждодневных тяжелых потрясений. Война — труд тяжелый и больше мужской, нежели женский. А девчонкам, которым не было еще и по двадцати лет, на фронте и того горше. Видеть смерть почти каждый день и самим с ней встречаться нелегко для молодого, неокрепшего сердца, открытого больше для радостей, чем для тяжелых переживаний.

Но уральские девушки-снайперы стойко переносили все лишения. Многих подруг уже не досчитывалась Зина Чернова. Скольких земляков-парней довелось ей схоронить! Где-то в госпитале находилась ее свердловская подружка Елена Вершинина. Сердце кипело от ненависти к врагу, хотелось мстить и мстить.

Зина стала заправским солдатом, который, изведав много военного лиха, уже перестает чему-либо удивляться, а только и ждет, когда опять в бой, чтобы скорее схватиться с проклятым врагом, перехитрить его, уничтожить, торжествовать победу.

В Свердловск шли ее бодрые письма, в которых она сообщала, что воюет хорошо, стала гвардейцем, ее боевой счет день ото дня растет. На Урале радовались ее сообщениям, гордились, только мать часто над ее письмами украдкой плакала. Как она ждала конца войны, возвращения дочери!

Начиналась весна победного 1945 года. Дивизия, в которой воевала Зинаида Чернова со своими землячками-подругами, воевала в Карпатах. Вокруг все буйно цвело, природа уже пробудилась к новой жизни. По всему было видно, что война идет на убыль, и каждому, конечно, хотелось дожить до Победы. Но для того чтобы ее завоевать, нужно было еще более упорно громить врага, этого требовал солдатский долг.

К девушкам прибыло молодое пополнение. Из той же школы, которую заканчивали в свое время они. Новичков встречали радостно. Над молодыми тут же брали шефство бывалые снайперы, заботливо передавали им свой фронтовой опыт.

Появилась молодая напарница и у Зины Черновой. Как-то им

дали задание — уничтожить вражеского снайпера на участке предполагаемого наступления в горах. Командир предупредил, что впереди обороняются эсэсовские части, у них снайперов больше, чем в сухопутных подразделениях. Ухо держать надо было особенно востро.

У подножия гор размещалась небольшая деревня. Честь ее занимали фашисты, а несколько передних домов уже захватили наши мотострелки. Но дальше продвинуться не смогли. Как только кто-либо из солдат показывался на улице, в тот же миг раздавался выстрел снайпера.

Зина с подругой выдвинулась на позиции пехотинцев. Местность была холмистой, домики деревни теснились на склонах. Здесь можно было выбрать такое место, с которого бы хорошо просматривалась и простреливалась вся округа. Так именно и должен был поступить снайпер, если он опытный.

Девушки скрытно выползли на один из холмов, замаскировались и стали наблюдать за деревней. Вскоре к ним подползли разведчики и сообщили, что снайпер засел на чердаке одного из домов, а какого именно, они не сумели определить. Бьет здорово, видно, мастер.

Не впервой было Зине состязаться с отборными фашистскими стрелками, но теперь она переживала за новую, еще не обстрелянную подругу, хотелось уберечь ее от опасности. Не раздумывая долго, велела ей спуститься с гребня холма и лежать там, а сама осталась наверху.

Через прицел разглядывала чердаки самых высоких домов деревни. Всматривалась тщательно в каждую щель, запоминала каждый выступ. Обведя раз глазами все чердаки, начинала повторно смотреть, не изменилось ли что. По малейшей перемене положения досок или черепицы крыш можно было определить, где спрятался вражеский снайпер. Обнаружить долгое время ничего не удавалось.

Но и враг, видно, все эти минуты тоже не сидел сложа руки.

До одного из наиболее высоких домов было метров триста. На нем все дольше и дольше задерживала взгляд Зина. Видно было не совсем хорошо, и она решила заползти на самый гребень холма. Только собралась это сделать, как прогремел выстрел, что-то сильно ударило ее в плечо, замельтешили перед глазами какие-то блестящие светлячки и наступило оцепенение. Ее враз так прижало к земле, что будто навалилась сверху по меньшей мере большая груда камней.

Подруга не растерялась. Поняв неладное, она быстро подползла к Зине и перетянула ее за гребень холма. Здесь принялась тушить тлеющий рукав ее телогрейки.

Выстрел фашистского снайпера был настолько точным, что, если бы не случай, поминать пришлось бы Зинаиду Чернову. Пуля попала в оптический прицел, разнесла вдребезги стекла, наткнулась по пути на кронштейн крепления прицела и рикошетом угодила ей в плечо. Пуля была бронебойной и термитной. Поэтому телогрейка сразу же начала тлеть, а в остальном Зина отделалась минутным испугом.

— Счастливицей ты родилась, Зинуля! Вторую жизнь сегодня начинаешь, — говорили ей в тот вечер подруги.

Оставшись одна, Зина вынула зеркало и посмотрела на себя. Сперва не поверила, а потом быстро спрятала зеркало в карман и поплотней прикрыла волосы.

Белая краска войны в этот день коснулась и ее головы.

…Впереди была Прага. До нее километров сорок-пятьдесят. Гитлеровцы отчаянно сопротивлялись.

На передовой вместе с бойцами находилась и Зинаида Чернова. Она постоянно наблюдала за противником, отыскивая такие цели, которые могла поразить только ее снайперская пуля. «Спрос» на Зинины выстрелы все увеличивался. Вот прибежал солдат из соседнего подразделения: командир, мол, зовет, уж больно у нас фашисты обнаглели. Зина пошла на выручку.

Дорога пролегла мимо наблюдательного пункта. Там один старший лейтенант, наблюдавший за противником, задержал Зину.

— Где-то в том районе, — он показал на две сосны, — укрылся фашист. Наблюдаем только вспышки от его выстрелов, самого не видно. Поглядите, — он протянул девушке бинокль.

Чернова внимательно осмотрела весь участок. Как раз, когда она наблюдала, фашист выстрелил. Но ничего, кроме еле видимого язычка пламени, нельзя было разглядеть. «За щитом каким-то он, наверное, укрывается», — подумала Зина.

— Если вы что-нибудь заметите, — обратилась она к офицеру, — то пошлите сказать мне.

— Я буду наблюдать за вашей работой. Желаю успеха, — улыбнулся старший лейтенант.

Зина выдвинулась осторожно вперед, выбрала позицию и замерла в ожидании. Враг стрелял, но себя не показывал. Справа и слева от девушки бойцы поднимали на палках шапки и каски. Вражеские пули тут же находили их, но ни в какие оптические приборы снайпера видно не было.

«Буду стрелять по вспышкам», — решила Зина. Тщательно прицелилась, затаила дыхание. Вот он, чуть-чуть заметный огонек. Сразу же Зина выстрелила, быстро поправила наводку и

послала еще одну пулю в то место.

Как больше солдаты ни старались вызвать огонь на себя, фашист молчал. К Зине прибежал солдат с НП, передал поздравление офицера. Это был сорок седьмой фашистский солдат, уничтоженный Зинаидой Черновой.

Конечно, не обо всем этом говорили в тот день в скверике перед свердловским универмагом Зинаида Чернова и Елена Вершинина, но в памяти каждой из них вставали эти трудные, но героические дни великой битвы за Родину.

А недавно фронтовые подруги пережили еще одну радость. Их пригласили на 30-летие бывшей Центральной снайперской школы, которую они закончили в годы войны и традиции которой умножали в боях с фашистами своим трудом и кровью. Здесь состоялось много памятных, волнующих встреч. Зинаида Васильевна Чернова после нескольких десятков лет встретилась с тагильчанками М. Р. Грачевой и И. С. Новиковой, со свердловчанками сестрами Екатериной и Анастасией Масловыми и многими другими однополчанками. Перед женщинами ожила их боевая юность, наполненная огненной борьбой с врагом во имя счастья любимой Родины.

Тридцать лет прошло со времени окончания Великой Отечественной войны. Все эти годы Зинаида Васильевна Чернова живет в Свердловске, скромно трудится, жизнь ее, как и каждой женщины, полна по-прежнему каждодневными заботами, которые она уверенно одолевает, не отступает ни перед какими трудностями. Этому ее научила война, в этом помогает ей уральская закалка.

В. Косарев
ВСЕМ СМЕРТЯМ НАЗЛО

15 июля 1972 года жители Сегежи, небольшого карельского городка, были свидетелями необычной встречи. Около одиннадцати утра на привокзальной площади собралась большая группа празднично одетых мужчин и женщин. На груди у многих — боевые ордена и медали. Видно было, что это близкие друг другу люди. На глазах — слезы радости, такие бывают при встрече после долгой разлуки с дорогими сердцу друзьями.

Не сразу можно узнать в поседевших мужчинах и женщинах бывших молодых бойцов партизанского отряда «Мстители», прошедшего с боями по тылам врага не одну тысячу километров, но это были они. Около семидесяти оставшихся в живых товарищей по оружию собрались в Сегеже, чтобы отметить юбилей создания своего отряда.

Среди этих людей выделялась темноволосая невысокого роста женщина с орденом Отечественной войны на груди. На ее долю пришлось, пожалуй, больше всего товарищеских рукопожатий и поцелуев. И к ней чаще, чем к другим, подходили с вопросом: «А помнишь ли?» Многие смотрели с благодарностью в теплые лучистые глаза этой женщины. Называли ее с особой любовью и лаской — Иринушка. Вот к собравшимся торопливо приблизился пожилой человек на костылях, видимо, с только что пришедшего поезда. Увидев женщину с орденом, не сумел сдержать нахлынувших чувств и, глотая подступивший к горлу комок, выдохнул:

— Сестренка, родная. Иринушка, неужели ты, неужели жива?.. Вспомни, как у Ондозера…

И она вспомнила. Как выносила с поля боя на своих худеньких плечиках раненых товарищей. Как под свист пуль и разрывы снарядов пробиралась от окопа к окопу, перевязывая раны. Вспомнила и тот бой у Ондозера, когда еще почти не нюхавшие пороху бойцы столкнулись с большой группой врагов. Страшный был бой. Да он ли один.

Ирина Анатольевна Благина (сейчас Боброва) была санинструктором в третьем взводе партизанского отряда «Мстители». Трудно, необычно сложилась у нее судьба. Это судьба настоящего героя, мужественного, самоотверженного человека.

Мы сидим в ее небольшой уютной квартирке в центре Свердловска. Она вовсе не похожа на героиню. Впрочем,

спокойное, волевое лицо, уверенный взгляд свидетельствуют о сильном характере. Но глаза, несмотря на годы, сохранили девичью нежность и молодость. И смеется она так же задорно, как, наверное, смеялась тогда, в сорок втором. Только затянувшийся шрам на нижней части лица да седина в волосах говорят о том, как много ей пришлось пережить.

На столе, убранном чистой белой скатертью, черная орденская книжка. Черная потому, что орденом Отечественной войны II степени за номером 793552 Ирина Анатольевна Благина награждена посмертно.

— У живых орденские книжки красного цвета, — рассказывает женщина.

Голос ее дрожит. Говорить трудно.

А вот и похоронная — пожелтевший от времени небольшой листок бумаги. Ее получила мать Ирины Анатольевны Зинаида Дмитриевна в апреле сорок пятого. Получила и упала без чувств. Да так и не смогла больше поправиться — скрутил паралич. А скоро пришло письмо с фронта. Вот оно, тоже на столе — вчетверо сложенная истершаяся на сгибах страница ученической тетради. Письмо написал начальник штаба части, где служила Ирина Благина после партизанского отряда:

> «Уважаемая Зинаида Дмитриевна! Сообщаем на ваш запрос о вашей дочери Ирине Благиной. Это было 24 марта 1945 года во время прорыва сильно укрепленной обороны противника в районе города Зорау (Польша). После того как наши части кончили артподготовку первой очереди, подразделения пехотинцев двинулись на штурм города… Одно подразделение вырвалось вперед, в нем находилась славная и бесстрашная девушка-санинструктор. Это была ваша дочь Ира. Ровно в 15.00, когда до обороны противника оставалось каких-то сто метров, немцы повели беспорядочный артиллерийский огонь. Один снаряд прямым попаданием сразил вашу Ирину…
>
> Правительство отметило боевые заслуги вашей славной дочери и наградило ее посмертно орденом Отечественной войны II степени. Орден вы сможете получить… Вещи выслать не можем, так как они погибли с вашей дочерью».

Вслед за этим в адрес Зинаиды Дмитриевны пришло еще множество писем. Писали боевые друзья ее дочери. Все они рассказывали о том, как погибла Ирина. Многие видели это своими глазами.

Но судьба распорядилась иначе. Санинструктор Ирина Благина осталась жива.

…В детстве ее звали так же — Иринушкой. Подруги завидовали ее характеру и упорству, ее незыблемому авторитету, считали, что она везучая. Она не любила мечтать о несбыточном, никогда не бросала слов на ветер. Но старалась сделать все, что задумала. И все у нее получалось.

Биография ее начиналась обычно, как у обыкновенной девчонки. Родилась в Свердловске в 1922 году. Кончила семилетку, поступила в медучилище. Росла веселой, жизнерадостной. Больше всего на свете любила книги — могла ночами просиживать над рассказами о войне, о подвигах и приключениях. Любимые книги — «Как закалялась сталь» и «Дети капитана Гранта». В героях этих книг ее поражали несгибаемая стойкость, сила воли, мужество.

Ее мама, бухгалтер артели «Красная заря», шутя говорила дочери:

— Ведь девчонка ты, Иринушка, а увлекаешься приключениями, войнами. Ребячье это дело. Отец, наверное, виноват.

Анатолий Максимович Благин был в городе известным человеком. Один из первых летчиков в Свердловске, пионер местного Аэрофлота привил дочери свои качества — смелость, целеустремленность.

Когда началась война, Ирине исполнилось девятнадцать. Она тогда работала в той же артели, что и мать. Делали обувь для фронта. Скоро ее избрали секретарем комитета комсомола.

Сообщения с фронта каждый день поступали все тревожнее. Части Красной Армии отходили назад, оставляя город за городом. Раненых прибывало все больше. Когда Ирина Благина узнала, что обком ВЛКСМ подбирает юношей и девушек для работы в тылу врага, то заявление подала одной из первых. Поручительство за себя попросила написать парторга цеха Анну Ивановну Калугину. Маме пока ничего не сказала, так как на положительный исход дела надежд было мало.

Начались комиссии, испытания. Сверстников Ирины, желающих пойти на фронт, набралось много. Как и ожидала Благина, над ней по-дружески посмеивались, говорили:

— Ты-то куда? Не пройдешь — гарантия.

Многих действительно отсеивали. Она ждала до последнего. И когда после всех комиссий и проверок зачитали окончательный список и она услышала свою фамилию, то не поверила своим ушам и побежала переспрашивать. А потом, обрадовавшись, по-девичьи расчувствовалась до слез. В тот день прибежала с работы

домой раньше обычного. С порога радостно крикнула:

— Мамочка! Ура! Еду!

Сказать всю правду так и не решилась — не хотела расстраивать маму, она как раз болела. Сообщила, что едет учиться на курсы водителей троллейбусов. Благо, линии троллейбусные уже прокладывали и водителей требовалось немало. Но материнское сердце чувствовало, куда едет учиться ее дочь. Не одну ночь проплакала Зинаида Дмитриевна, уткнувшись лицом в подушку. Но Ирину отговаривать не стала. Знала — слово ее твердое, да и сама на ее месте поступила бы точно так же.

Итак, на фронт. Два дня на сборы. И вот обувщица свердловской артели «Красная заря» с путевкой Ленинского райкома комсомола едет в Москву. Эшелон из вереницы зеленых вагонов и платформ, загруженных военной техникой, мчит на запад. Мимо мелькают полустанки, разъезды, зеленые поля сменяются густыми лесами.

В одном из вагонов у окна сидит девушка в солдатской гимнастерке. Торчащие косички выбиваются из-под пилотки. Это Ирина Благина. Слушает, как слаженно поют девчата ее любимую грустную песню.

Синенький скромный платочек
Падал с опущенных плеч,
Ты говорила, что не забудешь…

О чем она думает сейчас? Наверное, вспоминает свое детство, друзей, близких, гадает, что ждет ее впереди.

Вот и Москва. В школе учили ходить на лыжах, стрелять, метать гранаты, обрабатывать раны — всему, что необходимо на войне. Потом самолетом в Карелию, в прифронтовой город Сегежу. Здесь формировались партизанские отряды. Большинство свердловчан попали в «Мстители». Отряд получился многонациональным. Рядом предстояло сражаться русским, украинцам, карелам, татарам, чувашам, эвенкам. В интересах мобильности отряд был немногочисленным — в него вошло немногим более ста человек.

Ирину зачислили в третий взвод. Помкомвзвода, рослый добродушный здоровяк, глядя на санинструктора, дружелюбно посмеивался:

— Ну и сестренку же нам прислали. Да ты же, дивчина, свой «сидор» не осилишь, половины дороги в походе не выдюжишь.

Ничего не оставалось девушке, как молчаливо выслушивать «обидчика». Да и что она могла сказать — малый рост, худенькие

руки говорили сами за себя. Но до первого боя. А ждать себя он не заставил.

Во время перехода к месту базирования партизаны напоролись на большую группу белофиннов. Завязался бой. Силы были неравные, и партизанам пришлось уходить. И надо же так было случиться, что первым раненым, которого санинструктор Благина вынесла с поля боя, оказался тот самый здоровяк помкомвзвода. Увидев, что он ранен и не может двигаться, девушка бросилась к бойцу. От волнения забыла все, чему учили, что надо передвигаться только короткими перебежками, прячась за деревьями. Благо, товарищи прикрыли Ирину сильным огнем, а то быть бы беде.

Добравшись до бойца, она в считанные секунды перевязала рану на груди и, взвалив его на свои хрупкие плечи, где бегом, где ползком добралась до своих. Потом сама удивлялась, откуда только силы взялись.

После боя от командира отряда Петра Романовича Николаева, или батьки, как все его звали, получила первый нагоняй. Попало Благиной за безрассудность и неосторожность в бою и от старшего санинструктора Ларисы Дьячковой. Но, несмотря на все это, авторитет среди партизан Ирина завоевала прочный. Теперь уже не посмеивались над ее ростом, а смотрели на девушку с уважением.

Скоро у Ирины Благиной появилось в отряде много друзей, на которых она всегда и во всем могла положиться. Одним из них стал Яков Степанович Медведев, командир взвода разведки, никогда не унывающий, отважный и умелый партизан. В отряде он считался старичком — ему исполнилось уже тридцать семь лет. Но сил и энергии у Медведева было на троих.

До того как прийти в «Мстители», он уже приобрел опыт партизанской борьбы в отряде «Красный онежец». За героизм и мужество был награжден орденом Красного Знамени. Во время одной из операций Медведева тяжело ранило, он вынужден был лечиться в госпитале, после чего и попал в «Мстители».

Яков Степанович учил молодых бойцов партизанским песням, которые пели они вполголоса у ночных костров. Одна из них очень правдиво и верно рассказывала про партизанскую жизнь:

Партизанское дело такое,
День и ночь не бросаешь ружья.
И себе ни минуты покоя,
И врагу ни минуты житья.

Подружилась Ирина со своим земляком разведчиком Борисом

Пивоваровым, политруком взвода Семеном Подлипским и многими другими. Эта крепкая фронтовая дружба продолжалась долгие годы.

Более четырех тысяч километров прошли партизаны по тылам врага, появлялись внезапно, где их не ждали, сеяли панику и ужас в стане неприятеля, уничтожали технику и живую силу противника.

Много встретилось трудностей на их пути. Все прошла, все осилила маленькая Ириша. В какие бы сложные переплеты ни попадала, она никогда не теряла присутствия духа.

Не щедры партизаны на хвалу. Да это и понятно. Мужество, бесстрашие в бою — норма поведения. Но и этих бывалых людей, закаленных в сражениях и походах, для которых героизм — обычное дело, восхищали отвага и выносливость молоденького санинструктора. Политрук Семен Подлипский, вспоминая об Ирине Благиной, рассказывал:

— Зимой, когда раненых вывозили на базу на лодках-волокушах, наша Иринушка не только кормила, поила их, отдавая лучшее из своего пайка, но, завидя, что лодка застряла, сама норовила впрячься.

«Ты что, Ирина, надорваться хочешь? Делай свое дело», — выговаривал ей командир взвода Николай Котов. Ира отвечала: «Есть!», но проходило некоторое время, и она снова, выбиваясь из сил, тянула волокушу.

Сколько раз так бывало. Идем из похода усталые, голодные, кажется, и сил больше нет, а увидим бодро шагающую Иришу, которая так же голодна и так же измоталась, но виду не подает, улыбается, ну и сами улыбаемся, и легче будто становится.

Однажды кто-то из бойцов спросил у нее:

— Откуда у тебя, Иринушка, силы берутся?

Она посерьезнела сразу, посмотрела на товарища и ответила строго:

— А у вас всех откуда силы берутся?!

Было тогда ей всего двадцать лет.

Много было памятных боев. Но некоторые запомнились на всю жизнь. Например, тот бой на Ондозере, в самом начале боевого пути отряда. Разведка сообщила, что в небольшом селеньице на том берегу озера расположилось подразделение врага, туда подвезено много продовольствия и воинского снаряжения. Видимо, белофинны ждали прибытия пополнения.

Задача, поставленная перед отрядом, была сложной. Нужно было перейти Ондозеро, только что покрывшееся льдом, и внезапно напасть на врага. Всю ночь партизаны ползли, стараясь остаться незамеченными — противник постоянно освещал озеро

прожекторами. К утру добрались до берега. Но белофинны все же нащупали партизан и открыли ураганный огонь. Враг оказался гораздо сильнее, чем предполагали разведчики. Отступать было некуда, и отряду пришлось принять бой.

Сражались партизаны самоотверженно. Ирина Благина, прижавшись к небольшому выступу на берегу, стреляла из автомата, забыв на время о своих обязанностях санинструктора. Отряд ворвался в деревню. Завязался рукопашный бой.

— Сестра-а, — вдруг послышались стоны откуда-то спереди.

Продолжая стрелять, Ирина кинулась к раненому.

— Но-ги.

Она быстро стащила сапоги с бойца и, наложив повязки и жгуты, остановила кровь. Затем, оттащив раненого в небольшое укрытие, снова припала к автомату.

Бой закончился победой партизан. Сколько было радости, ликования! Тем более что на этот раз обошлось без потерь. Это был первый серьезный успех. Он придал бодрости партизанам, помог поверить в свои силы.

Зимой 1943 года, когда отряд стоял на отдыхе и до укомплектования в Сегеже, партизанам была поставлена задача: во что бы то ни стало взять «языка». Яковлев, заместитель командира отряда по разведке, начал подбор группы. Желающих было много, но на этот раз в операции должны были участвовать лишь опытные и надежные разведчики, самые смелые и выносливые.

Когда к Яковлеву подошла санинструктор Ирина Благина и попросила взять ее на операцию, он сначала заколебался. Но, посоветовавшись с командиром, решил удовлетворить просьбу девушки, тем более что за это был и Яков Степанович Медведев, которому предстояло возглавить группу. Так Ирина Благина оказалась с разведчиками.

В том районе, где необходимо было провести операцию, стоял отдельный батальон белофиннов, составленный из отборных солдат. Командовал батальоном помещик Кивенко, зарекомендовавший себя ярым врагом партизан.

И на этот раз пришлось пробираться к штабу противника по льду озера, пользуясь ночной темнотой. Вымотались изрядно, и больше всех, пожалуй, Ирина. Но виду она старалась не подавать. Наоборот, бодрилась, сгорала от нетерпения, скоро ли начнется настоящее дело.

Когда рассвело, повалил густой снег. Бойцы натянули маскировочные халаты и затаились в засаде в ожидании врага. Прошло еще минут сорок, и на берегу озера показался обоз.

Партизаны действовали стремительно. Благиной было

приказано оставаться на месте и прикрыть разведчиков огнем на тот случай, если бы бой затянулся. Но белофинны, не ожидавшие нападения, не сумели оказать серьезного сопротивления. В руки партизан попали обоз с рождественскими посылками, батальонная касса, списки личного состава. Но самое главное — удалось взять в плен батальонного коменданта и двух солдат.

За успешно проведенную операцию Яков Степанович Медведев был награжден медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени. Другие разведчики, в том числе и Ирина Благина, получили благодарности.

Партизанский отряд «Мстители» громил врага в лесах Карелии и тундре Заполярья, помогал наступающим частям Советской Армии, уничтожал мосты, эшелоны с воинской техникой, добывал ценные сведения. Сотни вражеских солдат нашли бесславный конец там, где встретились с друзьями Ирины Благиной. Партизаны провели четырнадцать крупных операций. Там, где они появлялись, враги не знали покоя ни днем ни ночью. Не раз против партизан высылались карательные отряды. Иногда эти отряды нарывались на партизанские засады и «пропадали без вести», как докладывалось в сводках командования противника. Часто каратели возвращались ни с чем, прочесав весь лес и не обнаружив следов партизан. «Неуловимые» — так их окрестили местные жители — умели внезапно появляться и, сделав свое дело, так же быстро исчезать.

Часто с Большой земли в адрес партизан приходили подарки от советских людей. Однажды это событие послужило поводом для торжественного собрания партизанок, на котором было решено послать письмо работникам Беломорского авторемонтного завода, проявившим заботу о партизанах. «Будем беспощадно громить врага» — так называлось это письмо.

> «Мы, девушки-партизанки, — говорилось в нем, — получив от вас подарки в день 8 Марта, выносим большую благодарность от девушек-фронтовиков.
>
> …Мы заверяем, что и впредь будем так же беспощадно громить врага до полного уничтожения и изгнания с советской земли.
>
> Девушки нашего отряда показывают героизм, стойкость и бесстрашие — под сильным огнем противника оказывают помощь раненым, выносят их с поля боя с оружием…»

В числе других партизанок письмо подписала Ирина Благина. Немало боевых друзей потеряла Ирина в сражениях и походах. В одном из боев погиб ее хороший товарищ, любимец всего отряда,

карел Иван Баданин. Случилось это в марте 1944 года.

В составе партизанского соединения отряд шел на разгром вражеского гарнизона. Перед «Мстителями» была поставлена задача: «оседлать» контрольную лыжню белофиннов, захватить патрульных и, если появится большая группа врага, завязать бой.

На левом фланге залегло отделение Ивана Баданина. Скоро из-за леса показалась группа фашистов. Когда они втянулись в расположение засады, раздалась команда: «Огонь!»

Лес трещал от выстрелов. У Ирины в первый момент заложило уши. Но как мать всегда слышит плач своего ребенка, так и Ирина научилась различать «голос» оружия своих друзей. Вот короткими очередями огрызается пулемет ее земляка Николая Девятова. А это стрекочет трофейный автомат Ивана Баданина. С ним он никогда не расстается, лелеет его, как живое существо.

Но что это? Он вдруг замолчал. Минута, другая. Неужели беда.

О том, что произошло, Ирине рассказал разведчик Иван Романенко. Гитлеровцы залегли и начали, отстреливаясь, отползать к реке. Но ледяная вода далеко не пустила. С поднятыми руками они начали сдаваться. Первым к ним направился Баданин. И тут по нему открыл огонь солдат, все еще лежащий на лыжне. Командир отделения умер, не приходя в сознание.

Ирина решила отомстить за смерть своего боевого товарища. Ствол ее автомата накалился от стрельбы. А она все стреляла и стреляла, меняя диск за диском. Что-то ударило по ногам, но она даже не заметила кровь. Лишь когда бой кончился, партизанка потеряла сознание. Рана оказалась неопасной, и скоро Ирина Благина снова была в строю.

Закончилась война с Финляндией. Но враг еще оставался на советской земле. Партизаны всем отрядом влились в действующую армию. Ирина Благина стала санинструктором 2-го стрелкового батальона 72-й морской бригады.

Партизанский опыт пригодился. Правда, дисциплина в армии построже, чем в отряде, но к этому привыкла быстро.

Вместе со своей частью санинструктор Благина участвовала в освобождении Польши. Возмужала, окрепла. Теперь уже не узнать было той девятнадцатилетней девчонки, которая летом сорок второго года впервые переступила порог военкомата. А глаза остались те же, радостные и озорные, и улыбка такая же обворожительная. Для бойцов она была, как и прежде, Иринушкой. И ее так же любили за душевную доброту, ласку и заботу.

24 марта под Зорау Ирина пошла в свою последнюю атаку. Перед вторым батальоном стояла задача — прорвать вражескую оборону. Гитлеровцы сопротивлялись упорно. Местность между городом и лесом была хорошо пристреляна, и приходилось то и дело залегать.

Но вот в черную прорезь прицела Благина увидела, что фашисты дрогнули под огнем наступающих наших подразделений и один за другим начали отходить. С криком «Ура!» наши бойцы поднялись в атаку. Ирина бежала вместе со всеми. Впереди ее бежал пулеметчик Акулов, с ходу ведя огонь по фашистам. Вдруг он как-то вздрогнул, покачнулся и, не выпуская из рук оружия, начал медленно и неуклюже оседать. Ирина бросилась к нему. Ранение оказалось тяжелое — в голову и грудь.

— Сестренка, оставь, не надо меня трогать, — теряя сознание, шептал боец, — все равно не жить.

— Крепись, дружище, будешь жить.

Уверенными движениями Ирина накладывала повязку. Почувствовала, как обожгло плечо, будто проткнули раскаленным прутом. Но раненого не выпустила, приготовилась оттащить его в укрытие.

И вдруг — страшный удар. В глазах стало темно…

Ее посчитали убитой. Много позже, когда часть ушла вперед, Благину подобрали санитары, приняв в солдатской форме за паренька-подростка.

Полтора месяца Ирина не приходила в сознание. Врачи Краковского военного госпиталя упорно боролись за ее жизнь, даже не зная имени девушки: документы погибли во время боя. Молодой организм победил в этой схватке со смертью. 8 мая, накануне Дня Победы, Ирине сделали последнюю операцию. Дело пошло на поправку. Постепенно возвращалась память. Девушка вспомнила свое имя, боевых друзей, номер части.

Прогуливаясь однажды по городу с группой выздоравливающих, Ирина попала на братское кладбище. Могилы, десятки, сотни могил. Во всех лежат советские солдаты, отдавшие свою жизнь в борьбе с фашизмом. И вдруг. Словно громом ударило. Захватило дыхание, в комок сжалось сердце. У одной из братских могил на гранитной плите Ирина увидала свое имя в числе погибших. Слезы, слезы. Не знала — от горя ли, от радости.

15 мая Зинаида Дмитриевна Благина получила письмо от своей Иринушки. Материнскому счастью не было предела. А скоро произошла встреча. Когда через несколько месяцев Зинаиде Дмитриевне пришло извещение на получение ордена Ирины, то дочь и мать пошли в военкомат вместе. Каково же было

удивление видавшего виды военкома, когда он увидел живую Ирину Благину, пришедшую за своим орденом, которым она была награждена посмертно. Обрадованный и взволнованный рассказом девушки, он построил весь личный состав военкомата и торжественно вручил награду.

Много лет минуло с тех пор. Сейчас Ирина Анатольевна на пенсии. До этого с 1947 года она работала аппаратчицей на Свердловском кислородном заводе. К ордену Отечественной войны II степени, медалям «Партизану Отечественной войны», «За оборону Советского Заполярья» и другим боевым наградам прибавилась медаль «За трудовую доблесть». На кислородном заводе работает и ее муж Константин Константинович, тоже участник Великой Отечественной войны, кавалер орденов Красной Звезды и Славы III степени. Оба они — и жена и муж — ударники коммунистического труда. Работает и дочь Лариса, названная так Ириной Анатольевной в честь боевой подруги Ларисы Дьячковой.

Долгое время глодала сердце тоска по своим товарищам-партизанам. Пыталась найти адреса оставшихся в живых, списаться с ними. На ее письмо откликнулся бывший политрук третьего взвода партизанского отряда «Мстители» Семен Исаакович Подлипский, сообщил все адреса, которые знал. Оказалось, что кое-кто из партизан вернулся в Свердловск.

Скоро состоялась встреча с бывшим комиссаром Вилом Нечаевым, с разведчиками Николаем Девятовым и Борисом Пивоваровым. Годы сделали свое. Лица молодых людей, бравых партизан избороздили морщины, волосы «украсила» седина. Но душою они по-прежнему молоды.

Удалось найти и других бойцов отряда. Большую работу по поиску фронтовых друзей проделали бывший разведчик-партизан Иван Андреевич Романенко, сотрудник республиканского партархива Карелии Полина Михайловна Кузьмина. Многие из бывших партизан окончили институты и техникумы, отлично трудятся. В Президиуме Верховного Совета Карелии работает Клавдия Голованова, педагогами стали Мария Петрова, Лариса Дьячкова, Бронислав Крушинский. Николай Лазарев — подполковник медицинской службы. Со многими из них Ирина Анатольевна переписывается, и в письмах они называют ее по-прежнему — Иринушкой.

П. Коверда
СЛУЖУ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ!

Полное представление о Сталинградской битве Мария Афанасьевна Крутихина получила позже, спустя несколько лет после войны, когда об этом сражении увидела кинофильмы, прочитала книги…

Неужели и она там была? Как выжила? Не верится, право, не верится…

А ведь в самом деле была. Воевала на самом горячем пятачке — на заводе «Баррикады».

В памяти многое осталось: и бесконечное тарахтение пулеметов, и вой мин, и стоны раненых… И в этом сплошном гуле она, связистка Маша Крутихина, должна была уловить в телефонной трубке то, чего ждал командир.

А однажды…

Да, однажды она получила приказ командира роты отправиться в штаб полка за пополнением материальной части. Больше некому было. Командир так и сказал: «Выручи, Маша». Она все поняла…

Маша уселась рядом с шофером. Машина медленно тронулась в путь. Много ли проехали, сейчас не вспомнишь, одно запомнилось — до штаба полка не добрались. Машина наскочила на мину.

Взрывная волна пришлась как раз между кабиной и кузовом, разорвав машину пополам. Обе половинки, как игрушечные, подбросило в воздух. Передние колеса еще вращались. На миг, где-то рядом с еще неосознанным страхом, явственно представилась картина из детской сказки: барон Мюнхаузен верхом на одной половине лошади…

…«Посадка» получилась благополучной. Помог снег. До сознания дошло, что жива. Вот и шофер тоже жив. Только струйка крови у него на губе. Мария сказала ему об этом, но… не услышала своего голоса. Она крикнула шоферу: «Кровь вытри!» Но крика тоже не услышала. Рука потянулась в карман и достала оттуда зеркальце. Протянула шоферу: «Посмотри…»

Солдат посмотрел в зеркальце. Затем, смахнув рукавом кровь, повернул зеркало к Марии.

Водитель что-то говорил. Мария отчетливо видела, как шевелились его губы. Но что? Почему он шепчет? Но она и шепота не слышит… Тишина… Кругом мертвая тишина… Отчего так?

Только что она слышала грохот, страшный вой и вдруг пустота, ни звука.

Мария посмотрела в зеркальце, настойчиво поворачиваемое в ее сторону, и увидела похожую на себя женщину, только была она совершенно седая…

И вдруг исчезло поле боя… Куда-то уплыли сталинградские руины… По земле стелилась легкая дымка — испарина… Мария увидела себя в родном доме… Она сидела рядом с отцом и слушала рассказы о том, как он воевал в империалистическую… мерз в окопах, голодал.

Отец рассказывал, как он участвовал в гражданской войне, и Марии было обидно, что она не могла идти рядом с отцом в штыковую атаку на белогвардейские цепи.

Потом Мария вместе со всей семьей переезжала из сибирского села Андреевка в далекий город Джамбул. Отец ехал туда строить Туркестано-Сибирскую дорогу.

Но многого не успел построить старый солдат. Умер.

…В комсомол Мария вступала уже без отца, и ей было жаль, что он не смог увидеть на ее груди значок…

Картины сменялись. То она видела себя дома, рядом с отцом, то снова пробиралась по горящему Сталинграду… И вдруг мелькало лицо женщины в белом халате. Женщина была похожа то на мать, то на сестру Екатерину…

Она была заботлива, внимательна, давала что-то пить и ласково гладила Марию по голове.

Да, точно, это же мать — Александра Антоновна. Сейчас она обняла дочь и, прильнув к ее груди, хочет что-то сказать. А Марии некогда. Ее ждут. Заявление комсомолки Марии Крутихиной, телефонистки Джамбульского узла связи, бюро горкома комсомола удовлетворило: она едет добровольцем на фронт.

Мария обещает матери писать. Просит не беспокоиться за нее. Она отомстит за погибшего брата Леонида, поможет воевать остальным братьям — Георгию и Михаилу. Мать что-то говорит ей, но Мария не слышит… Обидно, ох как обидно — не услышала материнских слов.

И еще ей очень хотелось, чтобы мать увидела ее в солдатской форме. Марии хотелось, чтобы мать познакомилась с ее друзьями-однополчанами из зенитно-прожекторного полка… Вдруг снова зеркало… На Марию смотрела мать — седая, уставшая. И мать что-то опять говорила. Теперь, кажется, Мария поняла, что мать произнесла: «Доченька, это не я на тебя гляжу. Это ведь ты сама…»

Мария Крутихина пришла в себя через несколько дней. Не

сразу сообразила, почему она на койке. В медсанбате скопилось много раненых и контуженных.

Как-то к ним пришел генерал Чуйков. Мария не слышала, что говорил генерал. Потом она прочитала об этом в письме и поставила рядом со многими свою подпись.

Раненые бойцы-сталинградцы отправили в тыл письмо-клятву:

> «Мы возьмемся за руки, грудью встретим врага, но не сдадим город…»

Мария не задержалась в госпитальной палате. Когда дело пошло на поправку, попросилась отправить на передний край. И вскоре она встала в строй сражающихся.

…Рота поднялась в атаку. Мария не слышала команды, не слышала крика «Ура!», не слышала непрекращавшегося шума канонады. Она видела, что солдаты, ее боевые друзья, ползли вперед, и она ползла, сжимая в руке автомат. Солдаты вставали, идя в атаку, и Мария делала то же самое. Солдаты падали, и она прижималась к земле. Мария оставалась в строю до конца Сталинградской эпопеи. Она выполнила клятву, данную в письме: «Грудью встретить врага, но не сдать город».

Постепенно вернулся слух. И Мария почувствовала, что она стала сильнее, потому что теперь не только может ходить, видеть, говорить, но и… слышать. Скажи кто-нибудь ей раньше о том, что с потерей слуха человек теряет половину самого себя, — не поверила бы. Но испытала это сама. Сейчас все позади. Сейчас она чувствует свою полную силу, как тогда, когда принимала военную присягу. Связист гвардии рядовой Мария Крутихина готова нести сейчас свою службу наравне со всеми. Не хныкать, не раскисать, не терять присутствия духа, не спать, когда еле держат ноги, словом, готова быть солдатом.

И почти два года, до памятной январской ночи 1944 года, она оставалась в солдатском строю, идя по фронтовым дорогам к Победе.

…Перед батальоном была поставлена задача — выбить гитлеровцев из небольшого белорусского хутора Малая Лешня. Укрепившись в нем, фашисты сдерживали продвижение наших войск. Хутор, или, вернее, то место, где недавно он находился, обозначен лишь сиротливыми печными трубами. Но он оказался действительно крепким орешком.

Немцы создали здесь мощную систему огня, простреливая каждый метр на подступах к селению. «Это не Лешня, а настоящая чертова клешня», — зло шутили промеж себя бойцы.

Было принято решение взять хутор молниеносной атакой.

Боевые цепи батальона, словно тугая пружина, сжимались для решительного броска.

Мария Крутихина, уже бывалый связист, хорошо знала свою роль в предстоящем бою. Она не раз участвовала со своим батальоном в атаках и понимала, что первый, кто дает информацию о реальной обстановке, сообщает истинное местонахождение боевых порядков, — это связист.

…По цепи передали приказ: «Крутихину к комбату!» Командир батальона был краток: «Нет связи с наблюдательным пунктом».

Мария поняла без лишних слов. Поняла по глазам командира — без связи дело худо. Что там в ротах? Как ведет себя противник? Попробуй угадай!

Комбат хотел сказать этой высокой худой девушке, что связь с НП батальон потерял давно. Он старался восстановить ее. На поиск обрыва линии ушел один связист. Потом второй. Третий тоже не вернулся. И теперь ничего не оставалось, как послать на выполнение этого важнейшего боевого задания ее, Марию.

Так примерно собирался вести разговор командир батальона. И он бы начал его, если бы связист гвардии рядовой Крутихина чуть замедлила, помешкала. Но, к большому удовлетворению комбата, девушка освободила его от нелегкого разговора…

— Все ясно, товарищ комбат, разрешите выполнять!

Комбат кивнул согласно головой, посмотрел связистке в глаза, будто для того, чтобы запомнить ее. На троих, ушедших навстречу смерти до нее, он как-то не успел посмотреть.

Мария поползла той же дорогой, по которой шли ее три товарища. И как она ни старалась быть незаметной, фашисты, видно, обнаружили. Они вспахивали каждый квадратный метр земли.

Но Мария ползла. Выбирая направление лишь ощупью, по проводам, она двигалась вперед. В душе теплилась надежда, что обрыв будет обнаружен в лощине или в другом месте, которое не простреливается противником.

Продвигаясь вперед, зарываясь лицом в неглубокий снег, Мария вдруг почувствовала какое-то препятствие. Холод пробежал по спине, сжалось сердце. Буквально перед самым ее лицом, так близко, что она могла упереться в них лбом, Мария увидела неподвижные подошвы сапог. Не требовалось большого труда, чтобы определить, что владелец сапог мертв. Мария отодвинула провод от навечно уснувшего однополчанина и поползла дальше. Она очень устала от физической нагрузки, от нахлынувшего вдруг страха. Но сознание того, что от ее действий зависит судьба ее товарищей и выполнение боевой задачи,

заставляло Марию двигаться вперед.

Вот и обрыв. Мария обрадовалась, что теперь она выполнит приказ комбата. Остался пустяк — соединить два конца провода, и связь с наблюдательным пунктом будет восстановлена, а значит, батальон получит возможность, как говорится, «видеть» и «слышать»… И эту возможность батальону предоставит она.

Мария начала торопливо соединять концы оборванной линии. Вдруг неподалеку рванул снаряд — и Марию отбросило в сторону. Но она подползла снова к проводу. Она торопилась, будто ожидая, что немцы снова пошлют сюда еще снаряд, однако почувствовала, что пальцы ее больше не слушаются. Поняла: соединить линию руками она не сможет.

До слез стало обидно, что она уже у самой цели, а сил не хватает сделать какую-то мелочь: скрутить два провода.

Связистка вспомнила, какое было выражение лица у комбата, когда он посылал ее на выполнение боевого задания, и собственные слова: «Разрешите выполнять!»

Полупослушной ладонью она пододвинула конец провода к лицу и взяла его в зубы. Затем, собрав последние силы, поползла к другому концу. Придвинула так же ладонью и его. Чуть передохнула. Потом жадно, как бы боясь опоздать, взяла в рот и этот конец провода. И, уже теряя сознание, Мария крепко, до металлического хруста, сжала зубы.

…Связистку Крутихину, после того как батальон выполнил свою задачу, выбив фашистов из хутора, нашла санитарка Полина Юницкая. Так с обрывками проводов во рту, в бессознательном состоянии Мария и была доставлена в госпиталь.

Полина Александровна Юницкая долго потом ухаживала за Марией. Она была одной из самых тяжелых: ранение в ногу, в грудь, потеря речи. Когда стала поправляться, Мария с Полиной объяснялись при помощи карандаша и бумаги.

Так, где-то на клочке бумаги, осталась часть «протокола» их разговоров, та именно часть, в которой Мария сообщала подруге о своих будущих намерениях: уехать к брату Георгию, который после ранения, еще в 1943 году, перебрался на Урал и поселился в городе Артемовском. Не знали тогда девушки, что клочок бумаги, случайно сохранившийся у Полины Александровны, поможет им снова, через много лет, встретиться.

Полина Александровна прислала запрос в Артемовский горвоенкомат: проживает ли в городе Мария Крутихина?

Об этом запросе сообщили Крутихиной. Мария Афанасьевна села тотчас же за ответ. Но глаза заслонили слезы. Слезы доброй памяти, слезы благодарности боевой подруге, ее спасительнице.

Что же написать ей? О всех событиях и переменах, что

произошли за много лет разлука, не расскажешь в одном письме. Хотя бы о главном рассказать. Например, о том, что орден Отечественной войны, которым она была награждена за выполнение последнего боевого приказа, искал ее несколько лет. Тогда, в ту январскую ночь сорок четвертого, в батальоне думали, что награда присуждена ей посмертно.

Вручая орден, артемовский горвоенком сказал:

— Поздравляю, Мария Афанасьевна! Вы единственная среди женщин-фронтовиков нашего города удостоена этой боевой награды.

Крутихина по-солдатски ответила тогда подполковнику:

— Служу Советскому Союзу!

Сообщила Мария Афанасьевна в письме и о том, как много у нее сейчас друзей-помощников среди школьников. Их внимание успокаивает боль старых ран. «Видно, нет в природе лучшего лекарства, чем простое человеческое участие, теплое слово».

Вскоре подруги встретились. Эта встреча состоялась в родном селе Полины Александровны Юницкой Крушники. Можно было бы встретиться на Урале, в Артемовском. Но Мария Афанасьевна сама предложила, несмотря на состояние здоровья, встретиться там, в белорусском селе Крушники. Ведь от этого села совсем недалеко — здоровому человеку какой-нибудь час ходьбы — расположен хутор Малая Лешня. Тот самый хутор, отбить который у фашистов помогла в январе 1944 года связист, гвардии рядовой, ныне кавалер ордена Отечественной войны I степени Мария Афанасьевна Крутихина.

А. Левин
НАША НАДЕЖДА

Когда я увидел ее в белоснежном халате, прошелся, словно сквозь строй, мимо кроватей ее больных, мне вспомнились стихотворные строки фронтового поэта, посвященные врачам:

> «И я просить правительство хочу: в День медицины рядовому просто соорудите памятник врачу».

Не знаю, кто конкретно навеял поэту эти строки, но передо мной сидит женщина, чьи дела и подвиг достойны рукотворного памятника.

Она хирург. Стала им очень давно — в грозное военное время — и до сего дня продолжает оставаться в строю тех, кто исцеляет больных, кто часто возвращает людям жизнь.

…В травматологическое отделение 1-й городской клинической больницы города Свердловска ночью доставили больного с тяжелой травмой. Спасти человека могла только срочная операция. Для ее исполнения необходим опытный специалист. Через несколько минут на квартире Надежды Федоровны Пономаревой раздался телефонный звонок.

Надежда Федоровна привыкла к таким звонкам, к ночным срочным вызовам.

— Слушаю вас, — спокойно произнесла Надежда Федоровна. — Что случилось?

Дежурный врач доложил о доставленном в отделение больном.

— Присылайте машину! — предельно кратко произнесла Пономарева.

…Операция длилась до утра. Семь часов сражалась Пономарева со смертью, которая нависла над пострадавшим. Пришлось, как говорят, заново собирать человеке. Пожалуй, не было органа, который не пострадал бы. Но глаза хирурга, его ум и руки творили чудо: постепенно, шаг за шагом у того, кто лежал на операционном столе, появились признаки жизни. Человек был спасен.

Когда над городом забрезжил рассвет, больной пришел в сознание, открыл глаза, равномерно заработало его сердце. Пономарева облегченно вздохнула:

— Все в порядке. Будет жить!

— Вот и отлично! — сказала медицинская сестра,

ассистирующая хирургу. — А теперь идите отдыхать. Вам нужен только сон.

— Ну что вы, дорогая, какой же может быть сон, когда начинается новый рабочий день. Больных-то сколько! До обхода осталось чуть больше часа.

Пономарева домой не пошла. Она осталась на своем, если так можно выразиться, боевом посту. Таков уж характер у заведующей травматологическим отделением Надежды Федоровны Пономаревой.

Да, вот так трудится хирург Пономарева ни день, ни два, а всю жизнь. Она всегда в состоянии боевой готовности. Случай никогда еще не застигал ее врасплох. Она всюду предельно собранна — на работе, дома, во время отдыха.

— Хирург, что солдат, — говорит она. — И тому, и другому надо быть всегда в боевой готовности.

И верно, попробуй оплошай — неминуема трагедия.

Я заинтересовался, каким же путем приходят в хирурги, как выбирают эту нелегкую дорогу.

Надежда Федоровна не сразу ответила на мой вопрос. Она медленно прошлась по комнате, подошла к столу и, собрав в аккуратную стопку лежавшие на нем книги, присела. Я обратил внимание на ее руки. Они постоянно двигались, чем-то были заняты: то гладили поверхность стола, то поправляли лежавшие на нем книги…

Обыкновенные руки! И все-таки они не совсем обыкновенные. Это руки хирурга, руки, возвращающие человеку жизнь. Таким рукам нет цены!

Мой вопрос как бы возвратил Надежду Федоровну в далекое детство. Кажется, что именно там она решила найти ответ на него.

Но нет, мечта стать врачом пришла к ней не сразу. В детстве она, кажется, и не задумывалась о своей будущей профессии. Трудное тогда было время. Первые годы Советской власти, гражданская война, борьба за восстановление народного хозяйства. И до камышловского села Ожгиха, в котором родилась в семнадцатом году Надя, тоже донеслись веяния новой жизни. Детство Нади тесно связано с землей. А земля требует большого трудолюбия. Надежда понимала это хорошо, ибо видела, как неутомимо в пору страды трудились в поле родители. Зато в зимнее время, когда стужа загоняла крестьянина в избу, отец часто усаживал Надюшу на колени и вел долгие и интересные разговоры о житье-бытье. Он рассказывал ей о Советской власти, которая дала простому люду землю, восторгался Лениным, человеком мудрым и понимающим душу простого человека. Он

учил свою дочь уму-разуму, давал понять ей, что труд и учение делают человека человеком. Он, ее отец, не имел никакого образования, но был твердо уверен в силе знаний.

— Учись, дочка. И ты будешь счастлива.

Слова отца крепко вошли в сознание Нади. Она хорошо училась. Учителя сельской школы хвалили Пономареву. Этой похвалой всегда гордился отец.

Надя выросла. Куда пойти? Чем заняться? Дорог много. Но как найти именно то дело, которое увлекло бы? В те времена это нелегко было: из глухой деревушки не очень-то далеко видно было. А может, податься в город?

Выручил отец. Он почему-то сердцем почувствовал, что Надюшино место в большом городе. Он так и сказал ей:

— Езжай в город, дочка. Мы тебе дали все, что могли. Теперь дело за тобой. Нужно вставать на ноги. Выбирай сама свою дорогу в жизни.

Так Надежда Пономарева попала в Свердловск. Он показался ей необыкновенно огромным. Все здесь было по-иному, не так, как в ее Ожгихе: и улицы намного шире, и дома огромные, и людей много. Было отчего стушеваться сельской девушке, которой все здесь казалось в диковинку. Но Надя не растерялась, Она вскоре нашла себе работу. Ее приняли рассыльной в Институт прикладной минералогии. Надежда быстро освоилась со своей работой. Но это же не все, надо еще и учиться. И Надя решила поступать на рабфак. Сдала вступительные экзамены и сразу была зачислена на второй курс.

На рабфаке Надя обрела новых подруг. С ними она проводила все свое свободное время.

Однажды одна из подруг сильно заболела. Ей пришлось оставить учебу. Девушки часто навещали ее в больнице, носили передачи, подбадривали чем могли. Вот тут-то Надя, может быть, впервые увидела, как люди в белых халатах борются за жизнь ее подруги, делают все возможное для того, чтобы она поднялась на ноги. Прямо на глазах у Нади недуг был побежден. Тогда она прониклась огромным уважением к врачам.

Кто знает, может быть, именно этот факт послужил толчком для выбора профессии. Не будем гадать, скажем только, что в 1937 году двадцатилетняя Надя подала свои документы в приемную комиссию Свердловского мединститута, успешно выдержала вступительные экзамены и стала студенткой.

Годы, проведенные Надей в стенах медицинского института, привили ей огромную жажду к знаниям, любовь к людям и жизни. Они открыли ей, как говорится, глаза на многие вещи. Помимо медицины Надежда сильно увлеклась литературой. Она еще

сильнее полюбила труд. Поняла, что без него нет знающего и умеющего человека.

В тот год, когда Надя стала студенткой четвертого курса, страшным вихрем ворвалась в нашу страну беда. Война. Она перечеркнула все мечты, заставила всех перестроить жизнь, подчинить всю свою деятельность интересам победы над врагом. Студенты-медики поняли, что их место там, где уже льется кровь. И в августе 1941 года первые отряды молодых врачей, не успевших полностью завершить учебу, отправляются в действующую армию.

В декабре состоялся досрочный выпуск курса, на котором училась Пономарева. Она попадает на трехмесячные курсы санврачей, после чего год работает в областном отделе здравоохранения. Новая работа увлекла Пономареву. Свердловск — город, находившийся в глубоком тылу, ковал победу. Люди работали столько, сколько в сутках было часов. Надя Пономарева тоже много трудилась, но мечта не давала покоя. Она уносила ее на фронт, туда, где уже находились многие ее однокурсники.

Говорят, что добрая мечта всегда сбывается. Видимо, это так, ибо у Надежды Пономаревой она сбылась: в июне сорок третьего она прибыла на Калининский фронт. И вскоре оказалась в госпитале для легкораненых. Здесь ее обмундировали — дали все, что положено человеку военному, а на плечи легли офицерские погоны. И стала она именоваться старшим лейтенантом Пономаревой. Тогда-то впервые она столкнулась лицом к лицу с хирургией, стала врачом-ординатором хирургического отделения.

Госпиталь хотя и был предназначен для легкораненых, но сюда поступали в основном бойцы с тяжелыми ранениями. Война не отпускает времени на рассуждения. Здесь некогда определять характер ранения. Здесь надо, не теряя ни секунды, оперировать, оперировать, оперировать. И неважно, что в небе «рыщут» вражеские «юнкерсы», а в непосредственной близости рвутся снаряды, на это некогда обращать внимание. Перед тобой раненый, истекающий кровью воин. Он, презирая опасность, несколько минут назад бросился в атаку на врага. Но его встретила вражеская пуля. Она застряла в легком или подкралась к самому сердцу… Вот-вот может случиться большое несчастье. И в эту минуту только рука хирурга способна сотворить чудо: отвести беду…

Надежда Федоровна вспоминает тот час, когда она, можно сказать, впервые взяла в руки скальпель, а по ее лицу пробежала еле уловимая тень тревоги. И мне показалось, что вот и сейчас,

спустя более тридцати лет, она чего-то испугалась. Ее можно понять: вспомнила того юного солдата, которого она, неопытная и тоже очень молодая, должна была оперировать. Ответственность необыкновенная.

Да, видимо, ответственность и рождает уверенность, дает силы. Так оно и случилось. Молодой хирург отлично справилась с задачей: пуля удалена.

Удача окрылила Надежду. И когда на операционном столе уже появился новый раненый, ее руки работали еще проворнее и увереннее.

И этот спасен.

Так день за днем…

По нашей земле ходит немало людей, которых когда-то из рук смерти вырвала военный врач Пономарева.

Бойцы любили и уважали старшего лейтенанта Пономареву. Они называли ее ласково — наша Надежда.

— Надежда не даст нам умереть! Надежда поставит нас не ноги! Надежда поможет нам отомстить фашистским гадам! — говорили нередко воины.

Они верили в Надежду. А Надежда верила в них, верила в силу нашей армии, верила в Победу.

Фронтовой госпиталь, как и войска, долго не задерживался на одном месте. Части пойдут в наступление, погонят фашистов — и госпиталю следует приказ двигаться вперед. А легко ли поднять такую махину! В такие дни никто и понятия не имел об отдыхе — ни сестры, ни врачи. Все работали до седьмого пота: грузили на машины инструмент, таскали носилки, койки, палатки. А на новом месте надо было в считанные часы развернуть госпиталь.

Надежда Федоровна вспоминает бои под Ленинградом. Прибыли они в населенный пункт Осиновая Роща. Целый день пришлось работать, чтобы все оборудовать как надо. К вечеру совсем из сил выбилась. Подумала: вот закончу работу, заберусь в какой-нибудь угол и уж отосплюсь. Но поспать не удалось. Только она улеглась, слышит голос: «Старший лейтенант Пономарева, к начальнику!» Еле поднялась. Прибыла, а ей говорят: «Поступают раненые…» Все понятно: надо оказывать им помощь.

Так и простояла всю ночь у операционного стола. Скольких воинов она тогда спасла, точно не помнит, но знает, что работать пришлось почти без передышки.

…Однажды Пономаревой было приказано явиться в управление госпиталей. Зачем? На этот вопрос ответить ей не мог никто. Тогда она подумала: видимо, переведут в другое место. А ей этого совсем не хотелось. Привыкла к своим коллегам, со

многими сдружилась. Но приказ есть приказ, разве скажешь — не хочу, война не место для рассуждений.

И она отправилась в управление, которое находилось в тридцати километрах от Осиновой Рощи. Приехала и увидела, что здесь собрали многих врачей. Всех повели на конференцию. Там читались доклады на медицинские темы. Сцена освещалась фарами от машин. После докладов сказали, что группе врачей будут вручены правительственные награды. И в их числе одной из первых на сцену была вызвана старший лейтенант Пономарева. К ее гимнастерке прикрепили орден Красной Звезды. Она растерялась от неожиданности: за что такая награда? Вот солдат награждать — другое дело, они воюют, кровь проливают, а она, мол, только работает. Нет, здесь произошла какая-то ошибка, она, видимо, не та Пономарева, которая заслуживает такой высокой награды. А ее поздравили и сказали, что она именно та Пономарева, что ее наградили орденом за самоотверженный труд, за воинский подвиг, за бесстрашие.

…Фронт катился на запад. Уже позади осталась граница Советского Союза, бои перекинулись на территорию Восточной Пруссии. Вместе с войсками передвигается и госпиталь, в котором несет свою службу Надежда Пономарева. У нее появился еще один орден — Отечественной войны II степени.

Домой, в родной Свердловск, Надя пишет прекрасные письма: наступаем, идем вперед, гоним фашистов! И ей тоже пишут. Приходят письма и из института. Старый профессор интересуется, пригодилась ли ей на фронте его наука. Конечно, пригодилась. Что бы она стоила без знаний? И все-таки ни один учебник не мог предвидеть того, с чем пришлось встретиться хирургу в боевой обстановке.

…На территории Германии хирургическое отделение госпиталя, в котором работала Пономарева, было выдвинуто вплотную к линии фронта. Пришлось принимать раненых в медсанбате. До передовой буквально несколько километров. Бои идут ожесточенные. Враг, чувствующий свою гибель, бьется из последних сил. Раненых много. И нет времени отправлять их в тыл, в госпитали. Операции проводятся прямо под вражеским огнем. Землю сотрясают взрывы снарядов, бомб. Но хирург капитан медицинской службы Пономарева уже многое повидала, она давно отвыкла вздрагивать при каждом выстреле, научилась работать в любых условиях.

Три дня и три ночи оперировала здесь раненых Надежда Пономарева. А потом прислали машины: поступил приказ отправлять раненых в тыл. Но нетранспортабельные остались. Начальник госпиталя распорядился и ей оставаться с ними. И

опять без сна и отдыха капитан Пономарева занимается тяжелобольными. Ее задача определена четко — довести раненых до транспортабельного состояния и, воспользовавшись услугами конного взвода, отправить их в специальные госпитали.

И это задание с честью выполнила хирург Пономарева. С последними ранеными уехала и она. Теперь ее госпиталь расположился в районе города Бреслау, в деревне Цвайбах.

Весна сорок пятого. Каждый сердцем чуял, что вот-вот войне конец. А раненые все прибывают и прибывают. Какой же это конец? В операционной его еще не видно. И все-таки настроение у всех приподнятое. Раненые частенько говорили: «Потерпите, доктор, чуток, скоро всем фашистам капут придет… Домой поедем. И вы тоже поедете…»

Домой… Ох как соскучилась она по дому, по родной деревне, по Свердловску. На крыльях бы улетела. Но нельзя, война-то еще продолжается…

Надежда Федоровна помнит те дни очень отчетливо. Помнит она и усатого солдата, который после операции открыл глаза и спросил:

— А жить-то я буду, доктор?

— Обязательно… И плясать тоже будете.

— А нога цела? — спросил он.

Вот ноги-то и нет. Пришлось хирургу ее ампутировать. Но солдат был рад, что жив остался.

— Спасибо вам. А я-то думал, что не дотяну до Победы. Воевал, воевал — и вдруг под конец умирать… А Победа-то рядом. Фриц уже издыхает. Верьте мне, доктор, не сегодня-завтра быть Победе.

Солдат был, видимо, провидцем. Вечером 8 мая Пономарева заступила дежурным врачом по операционному блоку. А утром вдруг началась страшнейшая канонада. Вокруг грохотало и свистело. Все подумали, что госпиталь попал в окружение. Одного из санитаров послали в разведку, узнать, в чем дело. Он возвратился очень быстро. Остановился посредине госпитального дворика и молчит. Молчит и плачет. А потом во весь голос закричал:

— По-бе-да!!!

Радости не было предела. Раненые вскакивали с постелей, кричали, пели. Откуда-то появились баяны. А тот усатый солдат подозвал Надежду Федоровну:

— Доктор, пришейте мне мою ногу, я хоть спляшу.

— Еще спляшете. Вот протез вам смастерим — и еще как будете плясать!

— Спасибо за доброе слово! Надежда вы наша…

Война кончилась, а хирург Пономарева продолжала сражаться за жизни воинов. Госпиталь оставался на месте. Еще многие солдаты не вставали, кровоточили раны. Приходилось снова оперировать.

Только в сорок шестом году довелось снять военный мундир. Надежда Федоровна приехала в Свердловск и без всякого отдыха приступила к делу: сначала работала в Институте ортопедии, а с 1951 года в 1-й городской клинической больнице. В 1967 году ее назначили заведующей травматологическим отделением. Сегодня к боевым орденам Н. Ф. Пономаревой прибавился еще один — орден Трудового Красного Знамени.

Мне хочется назвать Надежду Федоровну героем. Я знаю, она снова скажет: какой же я герой? Вот солдаты, которые шли в атаку, те герои. Все правильно. Но и хирург Пономарева тоже герой. Помните, что сказал Юлиус Фучик:

> «Герой — это человек, который в решительный момент делает то, что нужно делать в интересах человеческого общества».

Надежда Федоровна именно такой человек. Была война — она смело пошла на линию огня. Настало мирное время — и она снова на переднем крае.

Война — тяжелое испытание для страны, для народа. Война, естественно, изнуряет, выматывает силы, утомляет. Но сколько бы я ни встречался с бывшими фронтовиками, не видел среди них таких, которые бы пали духом. Они сильны в убеждениях, у них молодой задор, хотя имеют и возраст солидный. Только позови — ветеран готов идти выполнять любое задание. Посмотрите вокруг, сколько фронтовиков находится в трудовом строю. И как работают!

И Надежда Федоровна тоже принадлежит к когорте тех ветеранов, которые не знают покоя. Какие только трудности не возникают в ее работе сегодня! Но она умеет их спокойно, без паники преодолевать. Говорит, что война научила ее этому. Армия, фронт привили ей те качества, которые так помогают ей сегодня самой быть в роли хорошего хирурга и умело руководить коллективом.

У коммуниста Пономаревой сочетается требовательность с добротой. В партию она пришла на фронте. Там, в тяжелой обстановке, Надежда Федоровна всем сердцем почувствовала, что ее место в рядах коммунистов. Помнится, один раненый, которого она прооперировала, в первый день выздоровления спросил ее:

— Доктор, вы давно в партии?

— Я беспартийная.

— А я вступил. Перед самым боем. Да вот ранило, еще и партбилета не успел получить…

В нашем миллионном Свердловске есть немало людей, которые добрым словом вспоминают доктора Пономареву.

Дела Надежды Федоровны измеряются не только ее личной работой, а и трудом ее учеников. За них она спокойна, если придет время уходить на отдых, есть кому заменить. Но пока об отдыхе она и не думает: есть сила, знания, опыт. Все это рождает в ней такую энергию, которой достаточно, чтобы ежедневно творить благородное, доброе дело.

Э. Молчанов
НЕБО — ЕЕ СУДЬБА

Она живет и работает в Свердловске. Пожилая женщина, у которой взрослые и все еще требующие забот дети. Бывший летчик-инструктор Свердловского аэроклуба Ирина Ивановна Смахтина (Олькова) сожалеет о том, что теперь может подняться в небо лишь в качестве пассажира.

Годы берут свое. А тридцать семь лет тому назад она, заводская девчонка, училась в аэроклубе и не мыслила себя без неба, которое стало ее судьбой. Тогда, считала она, ей здорово повезло: в числе немногих прошла придирчивую врачебную комиссию. Гордилась тем, что комсомольский набор в авиацию не обошел ее стороной.

Любимой литературной героиней Ирины была пушкинская Татьяна. Бывало, после заполненного занятиями дня в памяти вновь возникали и звучали, как мелодия, пушкинские строки:

Она любила на балконе
Предупреждать зари восход,
Когда на бледном небосклоне
Звезд исчезает хоровод.

Иногда думалось о том, что, будь Татьяна среди ее подруг, решивших освоить профессию, малопривычную даже для мужчин, она бы не сникла перед трудностями и вообще была бы вполне современной девушкой.

…Ирина любила встречать рассвет в небе. А чтобы первой взлететь, надо быстрее других подготовить самолет. Вместе с техником проверяла она материальную часть до тех пор, пока не была уверена: самолет в полной готовности.

В рассветный час взлетит, бывало, и встречает в воздухе рождение утра. Там, на земле, стелется в низинах туман. Солнечные стрелы разрывают дымку, которая окутывает реку и прилегающие к ней луга. И кажется, что воздух, настоенный на аромате луговых трав, проникает в кабину.

Оттого, что под крылом — родные луга, перелески, ей хочется петь. И она запевает песню, которая сливается с гулом мотора:

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,

Перед самой войной Ирина окончила Ульяновскую летно-техническую школу и стала летчиком-инструктором аэроклуба в Свердловске. Здесь в 1941 году на самолетах Ут-2 и И-16 готовила она летчиков-истребителей, а затем вместе с двумя подругами была направлена в распоряжение Героя Советского Союза Марины Михайловны Расковой, которой было поручено сформировать авиаполки женского состава. Летчиков-женщин в нашей стране было немало, но история авиации еще не знала такого примера, как создание женских летных частей.

Участница изумительного дерзкого перелета Москва — Дальний Восток, совершенного вместе с Валентиной Гризодубовой и Полиной Осипенко на самолете «Родина» в 1938 году, Марина Раскова была для них, молодых летчиц, живой легендой. Тогда, при вынужденной посадке, на ее долю выпали едва ли не самые тяжелые испытания: приземление с парашютом в тайге и десятидневные поиски своей машины и подруг.

В городе на Волге, где формировались авиационные части, Раскова все свое время и силы отдавала обучению летчиц. Многие из них еще не имели достаточной подготовки и только осваивали сложные расчеты полетов, изучали самолеты, моторы, вооружение и аэронавигационные дисциплины. А затем на земле и в воздухе обживали новые боевые машины. Полеты проводились днем и ночью в районе аэродрома и по более дальним и сложным маршрутам. Девушки любили Раскову и в делах своих старались походить на нее.

Однажды на вечере, посвященном годовщине Красной Армии, артисты Саратовского драматического театра показали на аэродроме спектакль «Надежда Дурова». Пьеса о гусар-девице, героине войны 1812 года, была во многом созвучна времени и нашла путь к сердцам зрителей. После представления Марина Михайловна сказала:

— Вот, девушки, и о нас когда-нибудь напишут пьесы. Мы с вами должны продолжить традиции русской женщины-воина. Для нас нет преград и условностей, которые мешали Надежде Дуровой в полной мере проявить героизм. Нам дано грозное оружие — самолеты. Так оправдаем же надежды, которые возлагает на своих защитников Родина.

После контрольных полетов на новейших по тому времени самолетах Як-1, все свердловчанки — техник-конструктор с Уралмаша Галина Бурдина, член Свердловского обкома комсомола Тамара Памятных и самая юная Ирина Олькова —

попали в 586-й истребительный полк. Его боевой путь начался с выполнения заданий командования по противовоздушной обороне Саратова.

— Аэродром располагался на левом берегу Волги, — вспоминает И. И. Смахтина. — Два неказистых деревянных домика, несколько землянок, поодаль в степи стоянки самолетов и взлетная полоса. Днем и ночью дежурят летчики нашего полка, готовые в любой момент отразить налет фашистских бомбардировщиков. Боевой счет открыла заместитель командира эскадрильи Лера Хомякова. Ее самолет по боевой тревоге взмыл в ночное небо на перехват фашистских стервятников, пытавшихся прорваться к мосту через Волгу. Луч прожектора в зоне патрулирования нашего истребителя выхватил из темноты силуэт «Юнкерса-88», Хомякова мастерски прошила кабину вражеского самолета пулеметной очередью. Он упал на островке, неподалеку от моста, по которому один за другим двигались к фронту воинские эшелоны.

— В декабре 1942 года настал и наш черед, — продолжает рассказ Ирина Ивановна. Мы вместе с Галей Бурдиной должны были сопровождать до Средней Ахтубы Ли-2, в котором летел член Военного совета фронта. Наш первый боевой вылет был напряженным. Видимость отвратительная. Ли-2 летел, едва не касаясь вершин деревьев. Истребители сопровождения шли вплотную, чтобы не потерять его в тумане. Наконец сели. Туман над аэродромом сгустился, и еще долгие часы лететь обратно было нельзя…

…Она была среди тех, кому поручалось сопровождать к линии фронта самолеты, которые доставляли кровь для раненых. Каждый такой вылет мог привести к встрече с врагом. Пользовались нелетной погодой, чтобы избежать столкновения с фашистскими истребителями.

Командир звена, парторг эскадрильи Ирина Олькова умела найти путь к сердцам подруг. Ее уральский говорок был слышен у крыла самолета перед вылетом, у землянки в час отдыха, когда сама собой возникала песня. «Вьется в тесной печурке огонь…» — бывало с грустью выводили девичьи голоса.

Бывшая однополчанка Ирины Ольковой Валентина Гвоздикова так писала о своей подруге:

> «Мы — боевая пара, Ира — ведущая. Мне было спокойно с ней в воздухе. Сколько бы ни меняли нам с поста наведения курс, высоту и режим полета во время поиска вражеского разведчика, в какую бы сложную метеообстановку мы ни попадали при сопровождении

самолетов к линии фронта, мы всегда приходили в точно намеченный пункт. Ира ориентировалась в воздухе, как птица. Весной 1943 года она с Олей Яковлевой вела воздушный бой прямо у нас на глазах, вблизи аэродрома».

Сдержанно и скупо, как о чем-то обычном, поведала об этой воздушной схватке Ирина Ивановна:

— Вместе с воспитанницей Магнитогорского аэроклуба Олей Яковлевой мы сидели в кабинах самолетов в готовности номер один. Где-то на подступах к аэродрому находился фашистский разведчик, на его поиск уже были направлены два истребителя. Облачность низкая, обнаружить врага нелегко. А ведь он может навести на наш аэродром бомбардировщики. Неожиданно над летным полем вынырнул из облаков корректировщик врага. Высота совсем небольшая — каких-нибудь девятьсот метров.

Мы разом запустили моторы. Не дожидаясь ракеты, взлетели и стали набирать высоту. Но где же самолет врага? Его уже не видно, уходит.

Пробиваем облачность в той стороне, где только что был разведчик. Гитлеровский пират сделал переворот через крыло и попробовал снова спрятаться в облаках. Но мы уже настигаем его и берем в тиски. Я захожу слева…

Потом меня спрашивали, страшно ли в бою. Тут думаешь не о себе, а только о том, чтобы уничтожить врага. Немецкий корректировщик «Фокке-Вульф-198» был очень маневренным и хорошо бронированным самолетом. В бою мной овладели ярость и какое-то подобие спортивного азарта. В свое время настойчиво осваивала тактику боя и стрельбу по корпусу, инструкторы были довольны. И вот боевой экзамен.

Враг бросается из стороны в сторону, чтобы уйти от преследования. Из задней кабины вражеский стрелок ведет огонь по моему самолету. Ныряю под очередь и бью по крылу и кабине. С другой стороны врага настигают пулеметные трассы Яковлевой. Мотор разведчика задымил, он пикирует.

Повторная атака. Теперь ему не уйти. Наши очереди вогнали фашиста а землю. За этот бой нас с Олей Яковлевой наградили орденами Красной Звезды.

После памятного боя летчиц первой встретила на земле Валя Ковалева, техник самолета. С ней прошли всю войну. От нее зависела безотказная работа самолета и, стало быть, успех боевого задания. Ей доверяли пилоты свою жизнь.

В полку недаром считали, что каждый сбитый самолет — это успех всего коллектива, результат четкой и слаженной работы

всех служб и подразделений, и не было ни одного случая отказа материальной части по вине «технарей».

Однажды дали задание нескольким опытным пилотам облетать самолеты после капитального ремонта. Несколько раз в день приходилось совершать боевые вылеты. А тут еще такая нагрузка — после ремонта надо «обкатать» самолет до максимальной скорости, выполнить фигуры пилотажа, тщательно проверить выход из штопора. Что и говорить, работа на износ. Но Ирина понимала: война требует предельного напряжения сил — такова цена победы.

В письме из дому Ирина получила однажды хлебный колосок. Словно талисман, она хранила его в кабине самолета, мысленно возвращаясь в родные места.

По письмам матери, которые приходили из деревни Глинки Режевского района, Ирина знала о том, что в тылу хлеборобы делают все, чтобы обеспечить победу на фронте. Формула о единстве фронта и тыла не была для нее отвлеченным понятием. Только бы дожить до победы, свидеться с родными… И она вновь думала о боевых подругах, о причастности к всенародному подвигу и приходила к мысли: несмотря на горечь утрат, она видит все лучшее, на что способна человеческая душа, тут, вокруг себя.

Вместе с ней совершала боевые вылеты кировчанка Рая Беляева. Они, как говорят пилоты, приземлялись крыло в крыло, делились впечатлениями и проводили разбор своих действий тут же, у боевых машин. Вместе собирались встретить Победу. Когда Раи не стало, Ирина долго не могла привыкнуть к этому.

…Наши истребители, проводив бомбардировщиков до назначенного места, возвращались на аэродром. Внезапно из-за облаков вынырнула эскадрилья «фокке-вульфов», и Беляева, прикрывая отход, приняла бой.

На смертельно раненном самолете она долетела до родного аэродрома, но приземлиться не удалось. Машину затянуло в пике, а летчица пыталась ее выровнять до самого конца.

На похороны из соседнего истребительного полка вызвали мужа Раи. Когда его привели к месту падения самолета, летчик опустился на землю и потерял сознание.

Медленно двигалась по аэродрому траурная процессия. Замер, приподняв к небу остроносые капоты, строй боевых машин. Нет среди них истребителя Раи Беляевой. Ветер перебирает седые косы Раи. Не в силах сдержать слез в последний раз склоняются к ней боевые подруги. Но вот над похоронной процессией проходят, покачивая крыльями, два краснозвездных истребителя. Их пилотируют уральские подруги Раи — Галя

Бурдина и Ира Олькова.

Фронт отодвинулся на запад. Гитлеровское командование сосредоточило в районе Курска, Орла и Белгорода огромные силы. Один за другим следовали массированные налеты фашистских бомбардировщиков. Полк получил боевую задачу — прикрывать от налетов противника железнодорожные узлы Воронеж, Лиски, Касторную и мосты через реки Дон и Воронеж. Вылетать по тревоге приходилось по нескольку раз в день.

— Однажды, — вспоминает Смахтина, — меня вызвали к командиру полка и предложили пересесть на самолет По-2, чтобы выполнить важное задание штаба корпуса. Вместе с оперативным работником штаба требовалось облететь несколько полков, чтобы скорректировать их действия.

Вот наш «кукурузник», сотрясая мотором воздух, рванулся со старта и, набрав скорость, взмыл вверх.

Приближаемся к Курску. Где-то там, внизу, стоянка соседнего полка. Нелегко было найти ночью замаскированный аэродром. Надо садиться. А тут начинается налет противника. Никаких посадочных огней. Садиться при свете фар? Нельзя. Нервы напряжены до предела.

Где же выход? Снижаю машину метров до тридцати. В предрассветном тумане ориентируюсь по провисшим на столбах проводам старой линии связи. На свой страх и риск захожу на посадку.

Последние метры высоты. Впереди большая воронка. Неужели врежемся в нее? Надо укоротить пробежку машины. Резкий разворот — и самолет, едва не клюнув носом, вздрогнул и остановился.

Откуда-то выскочили два солдата, подбежали. Увидали, что мы вылезаем из самолета. Спросили, не ранены ли, и потащили за собой, на ходу чертыхаясь. Мало-помалу мы осмотрелись вокруг. Уже почти рассвело. И то, что мы увидели, ошеломило. Нам просто повезло с посадкой. Самолет приземлился на пятачке у самого края воронки, чудом не задев разбросанные взрывом телеграфные столбы и не столкнувшись с разбитым истребителем.

Разумеется, мы предполагали, что нас не ждут и посадочных огней никто не выложит. Но очутиться в самом пекле, рискуя, того и гляди, напороться на врага или разбить машину, было почти безрассудным делом. Однако приказ есть приказ, и, чтобы выполнить его в таких условиях, пришлось решиться на шаг, последствия которого было невозможно рассчитать.

Очень удивились летчики соседнего полка нашему появлению в такую минуту и не отпускали до тех пор, пока

противник не успокоился. Через час нападение гитлеровских пиратов было отбито и можно было лететь дальше.

Около двухсот боевых вылетов совершила Ирина Олькова. Полк истребителей, в котором она находилась, прикрывал в воздухе переброску войск Степного и 2-го Украинского фронтов, штурмовал врага в районе Корсунь-Шевченковского.

Отважно воевали в небе и другие свердловчанки. В бою под Касторной Тамара Памятных со своей напарницей Раей Сурначевской вступила в схватку со многими бомбардировщиками противника.

Встретив в воздухе десятки машин врага, несущих тонны смертоносного груза, летчицы не растерялись. Они решили использовать внезапность и преимущество в высоте, чтобы не дать фашистам прицельно сбросить бомбы.

Краснозвездные истребители внезапно спикировали на врага и открыли огонь по бомбардировщикам в центре группы. Строй машин противника был нарушен, два бомбардировщика упали, объятые пламенем. Последовала новая атака — и враг потерял еще две машины. Но и истребитель Тамары Памятных загорелся, начал падать. С трудом расстегнула она ремни и откинула колпак кабины. Парашют раскрыла, когда земля была уже совсем близко.

В районе Корсунь-Шевченковского Галина Бурдина, находясь в воздухе в паре с командиром полка, вступила в бой против десяти «Юнкерсов-52». Она самостоятельно сбила самолет врага.

Однажды аэродром вышел из строя. Сутки валил густой снег, полосу и рулежные дорожки не успевали расчищать. Предстоял взлет без ночного старта. Предложили лететь добровольцам. Вызвались все. Тогда командир полка В. А. Гриднев приказал выруливать на взлет Гале Бурдиной и Тамаре Памятных. Они сели в кабины и запустили моторы.

Настроили радио на прием и ожидали сигнала, сомневаясь, что он поступит. Взлет был необычайно сложен и опасен. Но противник шел на Коростень, и в небо взвилась зеленая ракета. Истребители оторвались от земли и устремились на перехват врага.

Боевые машины уральских летчиц на подходе к городу. На фоне осветительных ракет Бурдина заметила зловещий силуэт «Юнкерса-88». Подойдя на близкое расстояние к машине врага, Галина нажала на гашетку пушки. Гитлеровский стервятник был застигнут врасплох, загорелся и упал.

Летчицы потеряли связь друг с другом, кончался запас бензина. Последней из этого боя вернулась Тамара. На поврежденной машине дотянула она до аэродрома.

На одном из партийных собраний полка Галина Бурдина,

отличившаяся при Корсунь-Шевченковской операции, сделала сообщение о своем боевом опыте. Тогда же за отличное выполнение задания получила благодарность и золотые именные часы от командующего фронтом Тамара Памятных. Энергичными и отважными зарекомендовали себя в боевых делах свердловчанки.

Зимой 1944 года полк перелетел через Карпаты. Позднее перебазировался в Будапешт, а потом в Вену.

— Здесь мы и встретили весть о победе, — завершает рассказ Ирина Ивановна. — С гордостью подвели итоги боевого пути. Полк произвел 4419 боевых вылетов. Проведены сотни воздушных боев, сбито 38 самолетов противника.

Не забыть светлый майский день, ставший историческим праздником советского народа. Замер строй полка. Боевые награды на гимнастерках. Обветренные юные лица. Кое у кого девичьи прядки выбиваются из-под пилоток и шлемофонов. А глаза то светятся радостью, то суровеют, потому что нет в этом строю Раи Беляевой, Лели Голышевой, Лили Литвяк, Кати Будановой и других. В боях за чистое небо, за победу они отдали свои жизни. И надо, чтобы дети и внуки помнили о погибших.

Минули десятилетия. По торжественным дням собираются однополчане и, как прежде, ведут разговор о времени и о себе. Где же теперь фронтовые уральские подруги Ирины Смахтиной?

Галина Бурдина работала в Латвии на санитарном самолете, сейчас она начальник смены аэропорта в Риге. Тамара Памятных — диспетчер аэропорта в Ростове-на-Дону. Один из отпусков Тамара посвятила тому, чтобы отыскать и привести в порядок могилу Кати Будановой, павшей в схватке с тремя фашистскими истребителями. Тамара Устиновна побывала в Ворошиловградской области. На попутной машине, а где и пешком добралась она до села Новокрасновки. Беседовала с жителями, расспрашивала, не помнят ли они, где похоронена отважная летчица. Очевидцы боя проводили ее за околицу и указали могилу однополчанки.

Юные ленинцы Киевского района Москвы, где одна из школ носит имя Кати Будановой, узнали от ее боевой подруги о местонахождении могилы летчицы. Тамара сообщила им и подробности того последнего боя.

Обо всем этом, о дальнейшей судьбе многих своих однополчанок узнала Ирина Ивановна Смахтина из писем боевых подруг. Жизнь ее после войны сложилась небезоблачно. Она потеряла мужа, военного летчика.

Они познакомились на прифронтовом аэродроме. Михаил Афанасьевич Смахтин был командиром эскадрильи в соседнем

истребительном полку. Свадьбу сыграли после Победы. А потом Михаил Афанасьевич осваивал самолеты МиГ-15 и МиГ-17, а Ирина Ивановна получила предписание вновь стать инструктором аэроклуба. Мирный день не предвещал несчастья, и ей было трудно поверить, когда сообщили о смерти Михаила Афанасьевича. Заботливое отношение курсантов помогло ей пережить горе, поставить на ноги детей. Дочь и сын фронтовой летчицы получили инженерное образование.

Десятки будущих пилотов впервые подняла в воздух на учебном самолете инструктор Свердловского аэроклуба ДОСААФ Ирина Смахтина. По-матерински заботилась она о курсантах, помогала им осваивать нелегкую летную профессию.

Боевая летчица в выцветшей фронтовой гимнастерке встречала самолеты своих подопечных. Вместе с курсантами радовалась их первым самостоятельным вылетам. Немало ее бывших выпускников работает на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке.

В аэропорту Кольцово воздушные лайнеры Ил-18 поднимают в небо А. Арапов, Л. Зотиков и Г. Мезин, в Тюмени — Ф. Быков и В. Романов, в Магадане — Г. Лошманов. Все это «крестники» Ирины Ивановны. Они помнят об отважной летчице, прошедшей дорогами войны. Они унаследовали ее летный почерк.

Ирина Ивановна вместе с другими ветеранами войны выступает в школах и профессионально-технических училищах, встречается в авиаспортклубе с будущими летчиками. Она рассказывает о своих боевых подругах из 586-го истребительного полка.

Звучит неторопливый рассказ. И словно вновь над аэродромом у Волги идут самолеты боевых подруг. Ровно гудят моторы. Внизу зеркальная лента реки. Тут начинался их путь — фронтовая молодость, крылья самолетов, опаленные огнем боев.

На том самом аэродроме в приволжском городке, помнится, неподалеку от взлетной полосы, вскинулись к небу колосья пшеницы. Невесть откуда принес сюда ветер зерна. Они дали всходы. Растения прижились, выстояли рядом с грохочущей полосой. Каждый раз, когда взлетали самолеты, горячий ветер пригибал колосья к земле. А потом они выпрямлялись и опять, словно стрелы, тянулись ввысь — к чистому небу и к тем, кто его охраняет.

П. Бабоченок
ЕЕ ЛЮБИЛ ВЕСЬ ОТРЯД

Еще в детстве Алевтина Николаевна Щербинина мечтала стать врачом. Часами простаивала под окнами амбулатории и аптеки, наблюдая, как лечат больных, как готовят лекарства. Школьницей вступила в кружок Красного Креста, вместе с подружками навещала знакомых в больнице.

Жила Алевтина с матерью. Отец умер, когда ей было три года. Зинаида Михайловна, добрая, отзывчивая женщина, сумела привить дочери любовь к труду, чуткое отношение к людям.

Учителя в Верещагинской школе, где училась Алевтина и где преподавала ее мать, считали, что Алевтина могла бы стать хорошей учительницей. Еще будучи школьницей, она вела занятия в ликбезе. И артисткой могла бы стать — увлекалась художественной самодеятельностью.

Но когда пришло время выбирать профессию, Алевтина твердо решила: медицинский институт.

Вступительные экзамены сдала успешно. Училась с охотой. Хватало времени и на танцевальный, хоровой кружки и парашютным спортом успевала заниматься в секции аэроклуба.

Самым счастливым днем в юности Алевтины стал день вступления в комсомол. Комсомольский билет хранится у нее и сегодня. После бюро райкома комсомола записала она тогда в своей заветной тетради слова любимого писателя А. М. Горького:

> «Лучшее наслаждение, самая высокая радость в жизни — чувствовать себя нужным и близким людям…»

Эти слова великого гуманиста и стали девизом всей ее жизни.

Быстро промчались студенческие годы. А когда пришло время распределения, Алевтина попросила комиссию послать ее за Полярный круг, в Ныду.

Вместе с дочерью в дальние края решила поехать и мать. По-разному отнеслись к этому их шагу родные и знакомые. Одни пугали:

— Ой, не дурите. Не сотни ведь жизней даровано вам. А на Севере — долгие ночи, холод, вечная мерзлота.

В ответ на это Зинаида Михайловна отшучивалась:

— А мы с Алькой давно мечтаем прокатиться на оленях и собаках, северное сияние посмотреть.

Другие, оправдывая свою трусость, злорадствовали над Алевтиной:

— Блажь! Вот хлебнет горя — скиснет и образумится. Балетом и музыкой там негде заниматься.

На такие разговоры Щербинина-младшая отвечала резко и серьезно:

— Если считать диплом охранной грамотой и мечтать только о танцульках, а не о врачебной практике, то это так. Поживем — увидим, кто из нас прав.

«Ямал» по-ненецки означает «конец света». Вот туда и приехали жить мать с дочерью.

Суровый климат в этом краю. Как шутят здесь местные жители: восемь месяцев зима, а остальные четыре проходят в ожидании лета. Невыносима «комар-пора», когда тучи кровожадных назойливых насекомых повисают в воздухе и, кажется, нет от них нигде спасения.

Часто приходилось молодому врачу неделями носиться по тундре на оленях, пешком преодолевать десятки километров, закутавшись с головой от свирепого холодного ветра. Ночевки в факториях и чумах, нелепые пережитки и обычаи старины — все это было.

Зинаиду Михайловну назначили завучем школы, Алевтину Николаевну — заведующей поселковой больницей, а позднее избрали депутатом местного Совета.

Комсомольцы поселка доверили Алевтине руководство своей организацией. В доме Щербининых всегда людно. Шли к ним люди потолковать о разных делах. Многие заходили просто «на огонек» — поиграть в шахматы, шашки. Эти игры очень любили рыбаки и охотники тундры. Пригодились Алевтине Николаевне и те знания, которые она получила в школе и институте по музыке, балету.

Как говорят на Севере, молва здесь ходит неведомыми путями и летит быстрее ветра. Вскоре о санпросвещении, организованном при больнице, о совместных концертах, которые организовывали медики и школа, стало известно далеко за пределами поселка. Перед каждым занятием в медкружке, выступлением художественной самодеятельности мать и дочь выступали с докладом или беседой.

Нет, Север для них не казался холодной пустыней. Ненцы, ханты, селькупы, коми — честные, работящие люди, чувствуя неподдельное внимание к себе, привязались к молодому врачу всем сердцем. Где бы ни появлялась Алевтина Николаевна, ее встречали с улыбкой: «Токтор! Ань торова!» Русское слово «здорово», видно, в таком произношении вошло в местный язык.

Места эти Щербинины покидать не собирались. Алевтина Николаевна получила за два года большую практику как врач, твердо встала на ноги как общественница. Интересная, богатая была жизнь и у Зинаиды Михайловны Щербининой.

Были ли трудные случаи во врачебной практике? Конечно, были. Первое время оленеводы и рыбаки неохотно ложились в больницу, даже убегали. Не нравилась им больничная пища, требовали сырого мяса и мороженой рыбы. Со многими болезнями пришлось встречаться впервые, а посоветоваться не с кем. Хорошо, что книги привезла с собой. Читала здесь Алевтина Николаевна, пожалуй, не меньше, чем в институте. Нередко приходилось браться и за ответственные хирургические операции. А куда денешься? Человек погибает, а на сотни километров один врач, который в любом случае должен помочь.

Двадцать второго июня мать и дочь решили ехать в отпуск, в Пермь. В радостном настроении приехали к Оби на пристань. Что и говорить: соскучились за два года по родным местам, по друзьям и знакомым. Но что это? Вместо веселой суеты отъезжающих какая-то гнетущая тишина. Многие женщины плачут, сидя на узлах и чемоданах. Война!..

Вернулись домой. На другой день Алевтину Николаевну призвали в армию.

На передовой пробыла недолго. После упорных оборонительных боев Сибирская дивизия оказалась в окружении. Тяжело это для всех, а для врача медсанбата тяжелее во много раз. Она не могла, не имела права оставить раненых, думать о себе. Не только воинский долг, но и профессия обязывала делить с ними все тяготы и лишения.

Измотавшись вконец, кружа под огнем по бездорожью, шофер санитарной машины, отозвав как-то Щербинину в сторонку, испуганно зашептал:

— Бросим машину и бежим, товарищ военврач. Иначе и мы, здоровые, в плен угодим.

Посмотрела Алевтина Николаевна на кузов, где, вплотную прижавшись друг к другу, лежали изувеченные люди. Они заметили, что врач и шофер о чем-то шепчутся, заволновались, но ничего не требовали, ни о чем не просили. С болью и немым укором и ожиданием смотрели в их сторону. Шофер не выдержал их взглядов и быстро юркнул в кабину, стал заводить мотор, а Щербинина громко сказала:

— Ничего, братцы, найдем выход. Машина исправна, бензин есть.

Но выхода не было. Случилось это рано утром. Перевязав

раненых, Щербинина прикорнула в кювете. Несколько бессонных суток и бесконечные переезды в попытках выйти из окружения дали о себе знать. Уснула крепко, как в детстве. Пробудилась от толчка и шепота медсестры: «Немцы!»

Они стояли рядом и галдели. У военврача и раненых не оказалось даже плохонького пистолета для самообороны. Да и что в таких условиях можно было сделать!

Всех, кто мог стоять, подняли, построили, обыскали. Сорвали с рук часы, сняли хорошую обувь, обшарили санитарные сумки в поисках спирта. Женщин отделили от мужчин, сорвали с беретов звездочки.

И начался долгий путь в страшную неизвестность. Шли пешком — ослабевших и отставших гитлеровцы пристреливали, добивали прикладами. Ехали в вагонах — все пропахло кровью, потом, разложившимися трупами. Многие не выдерживали, вешались на бинтах… Один лагерь, второй, третий. Допросы. Двухэтажные и трехэтажные нары, землянки. Перепревшая солома. Баланда… Но и в этих адских условиях Щербинина, как могла, облегчала страдания людям, попавшим в большую беду.

Попав в лагерь на станции Смела, Алевтина Николаевна вскоре почувствовала, что за ней и ее подругами началась слежка. В женском бараке появилась новенькая. Обратили внимание, что она уж очень разговорчива. Все ее интересовало: кто был в партии, в комсомоле, кто числился в профсоюзном активе.

Стали замечать, что после откровенных разговоров с ней многие пленницы исчезали. «Провокатор, — мелькнула догадка у Щербининой. — Надо проверить».

Прибыли в лагерь на станцию Бобринская. Среди пленниц уже сложилась тайная организация. Руководила ею военфельдшер Маруся, москвичка. Звали ее все Маруся-Москва. Помощницей у нее стала Доля. Подлинных фамилий эти женщины не называли. Кроме них в руководящую «тройку» входила и Щербинина. Она-то и предложила сделать проверку. Проверили и обезвредили. Кто знает, сколько этим спасли они жизней честных советских людей.

В ночь под Новый 1943 год «тройка» устроила для пленниц концерт самодеятельности. Нашли томик Пушкина и поставили инсценированных «Цыган». Роль старого цыгана играла Щербинина. Даже немцы-надзиратели засмотрелись на вдохновенную игру пленниц. А после спектакля начали петь советские песни, читать стихи о Родине, о Красной Армии.

В лагере было много врачей, но как-то случилось так, что они сами доверили именно Щербининой главенствовать над собой. Каждое утро Алевтина Николаевна делала обход больных. Все искали встречи с ней, чтобы обменяться новостями, ласковым,

ободряющим словом, шуткой.

В конце января лагерь перевели в Ровно. Немецкое начальство решило «облагодетельствовать» пленниц. Им разрешили официально назвать кандидатуру своего врача. Все в один голос заявили:

— У нас уже давно есть свой врач — Щербинина.

Алевтине Николаевне создали «условия» для работы: выдали маленькую холодную комнатушку для приема больных и дали градусник. Медикаментов, конечно, никаких, но «кабинет» уже давал многое. Лечила добрым словом, советами, а главное — радостными вестями об успехах Красной Армии, которые все чаще и чаще просачивались за проволоку.

Когда комендант приказал отобрать всех здоровых женщин для отправки в Германию, Щербинина представила список, приведший фашистов в бешенство. Живого «товара» не оказалось. Все больны: у кого — туберкулез, у кого — дистрофия. Комендант грозил расстрелом, лишил врача «кабинета» и приказал готовиться на каторгу всем — и больным, и здоровым.

Всю ночь «тройка» не спала. О побеге нельзя и думать, лагерь охраняли надежно.

Утром пятнадцать больных женщин-врачей вывели из строя и приказали ждать в бараке — до особого распоряжения. В это число попала и Щербинина.

Спустя две недели ее вместе с несколькими подругами направили на борьбу с эпидемией сыпного тифа среди местного населения. В характеристике, однако, записали: «По специальности не затруднять. Политически неблагонадежна». Из-за этого «волчьего билета» опытного врача заставляли работать санитаркой, медсестрой, уборщицей, поручали самое грязное дело, которое требовало особой осторожности, чтобы не подхватить заразу.

Но враги не учли другое. На этот «документ» сразу же обратили внимание подпольщики. Как потом стало известно, над Щербининой взял шефство Григорий Андреевич Клешкань. Он в то время работал в медицинском отделе городской управы и считался у оккупантов верным человеком.

Григорий Андреевич помогал Алевтине Николаевне доставать продукты, поддерживал морально. Спасая от угона в Германию, он поместил ее в хирургическом отделении больницы в Тютьковичах с фиктивным диагнозом острого аппендицита. Два месяца «болела» она там. В это время по совету Клешканя коллектив больницы подал прошение немецким властям, в котором просил разрешения Щербининой работать врачом, так как специалистов не хватало. Пришел ответ: Щербинина

назначается врачом в село Тучино, в двадцати километрах от Ровно.

Однажды под видом больного пришел к Алевтине Николаевне на прием инженер местной чесально-вязальной фабрики. Беседовали долго и откровенно, и в ходе беседы Щербининой было дано понять, чтобы она готовилась к партизанской жизни.

Через два месяца по заданию ровенских подпольщиков Алевтина Николаевна лечила партизан и снабжала их медикаментами, проводила агитработу среди больных. Частенько теперь вместе с лекарствами люди уносили от нее и листовки со сводками Совинформбюро.

Партизанский отряд под командованием Д. Н. Медведева, действовавший в этом районе, с каждым днем рос. От частых боев увеличилось количество раненых, участились и заболевания — давали знать суровые партизанские будни. Командование отряда попросило подпольщиков прислать в отряд надежных врачей. Решили, что вместе с Щербининой в отряд уйдет и фельдшер больницы Вася Птицын. Он к тому времени зарекомендовал себя хорошим помощником Алевтины Николаевны. Им двоим и приказали не только самим уйти, но и захватить с собой медикаменты и некоторое оборудование.

Подпольщики предупредили, что в троицыны праздники к Щербининой придет беленькая девушка в украинской вышитой блузке. Паролем будет фраза: «У меня болят зубы». Она принесет деньги, на которые Щербинина должна нанять подводу якобы для праздничной поездки в Ровно.

В назначенный день пришла симпатичная блондинка, у которой «болели зубы». Познакомились. Оля Солимчук. Договорились, что Щербинина с Птицыным в понедельник приедут в Ровно. Встреча с Олей должна состояться в сквере, у собора. Все прошло удачно. Вечером оказались у надежных товарищей.

Ровенские подпольщики отправляли пополнение в партизанский отряд только по воскресеньям, а тучинские врач и фельдшер приехали в понедельник. По этой причине их оставили «погостить» у верных людей. Щербинину приютил бухгалтер фабрики валенок, гребешков и щеток Иван Иванович Луць, а Птицына — директор этой фабрики Терентий Федорович Новак. Дома этих «верноподданных» рейха тогда считались вне подозрений.

Замечательные это были коммунисты и искуснейшие подпольщики. Иван Луць и его жена Анастасия Кудаша, к великому сожалению, не дожили до Победы.

Терентию Федоровичу Новаку Советское правительство присвоило звание Героя Советского Союза.

В воскресенье под видом прогулки ушли в лес празднично одетые люди. Веселая компания ни у кого не вызывала подозрений. Алевтина Николаевна даже гитару для маскировки прихватила. Гуляли, шутили. Перешли речку, направились в чащобу. Лес с каждым километром становился все гуще. Иван Иванович засвистел. Ему ответили. Тогда он улыбнулся и сказал:

— Вот вы уже и дома.

На сигнал вышел партизан.

— Здравствуйте! Я начальник «зеленого маяка» Трихлебов, — представился он. — А вы Алевтина Николаевна Щербинина? Врач? Ждем вас. Прошу к нашему шалашу. Отдохните немного, партизанским чайком с колбаской побалуйтесь и тронемся.

Партизанский «зеленый маяк» служил своеобразной передовой заставой отряда, базой для подрывников, уходивших в город или на железную дорогу для проведения диверсий. Он же и своеобразный «перевалочный пункт» при отправке подпольщиками пополнения в отряд и пункт связи партизанского командования с ними. Потому на «маяке» постоянно находилась группа партизан.

Преодолев нелегкий путь, Алевтина Николаевна впервые за время войны почувствовала себя счастливой, глядя на приветливые лица партизанских проводников, на звездочки на пилотках и фуражках.

В отряде был такой порядок: с новичками обязательно лично знакомились командир и комиссар отряда, начальник штаба и помощник командира по разведке, и только после они получали прописку в подразделении. Щербинину тоже сразу пригласили в штабной чум.

Услышав слово «чум», родное, северное, Алевтина Николаевна не могла удержаться от улыбки:

— Где же вы столько в Западной Украине оленьих шкур добыли, чтобы на весь отряд чумы построить? И не жарко ли вам в них при здешнем климате? — спросила она сопровождавшего партизана.

— Э, у нас чумы-то особые, — ответил он вполне серьезно. — Быстро, дешево и удобно. Жить в них одно удовольствие.

Алевтина Николаевна осмотрела это сооружение и убедилась: прав ее проводник. Чум этот не что иное, как конусообразное строение из жердей, обложенных еловыми ветками и засыпанных землей. Между двумя шестами — небольшая коническая лазейка. Это дверь. Она занавешена брезентом. По полу тоже еловые ветки. Свет падает с вершины конуса, которая не закрыта. Туда же

выходит и дым от костра, когда его разводят. Особенно понравилось, что в чуме приятный и полезный для здоровья запах хвои. В штабе за самодельным столом сидели четыре человека. Один сразу же встал и протянул руку:

— Здравствуйте, Алевтина Николаевна! Поздравляю с благополучным прибытием. Будем знакомы. Медведев. А это наш комиссар Сергей Трофимович Стехов. Это начальник разведки Александр Александрович Лукин, начальник штаба Пашун. Рассказывайте, как добрались.

Глаза постепенно привыкли к неяркому свету, и Алевтина Николаевна, рассказывая о себе, могла уже разглядеть тех, под чьим руководством предстояло ей идти дальше дорогами войны…

О Дмитрии Николаевиче Медведеве она многое знала от подпольщиков. Они высоко ценили этого опытного разведчика.

Высокий, стройный. Пышная черная шевелюра. Одет, как все присутствующие, по всей форме. Три шпалы в петлице. Взгляд темных глаз волевой, проницательный, а улыбка мягкая, обаятельная. «И человек, и командир, видно, хороший», — отметила про себя.

О Стехове сразу подумала: «Будто всю жизнь с ним знакома». Небольшого роста крепыш, движения быстрые, энергичные. Серые, со смешинкой глаза глядят пристально. В глуховатом грудном голосе столько дружелюбия, будто дороже Щербининой у него никого нет. Открыла дверь штабного чума, и появился черноглазый стройный юноша:

— По вашему приказанию прибыл, товарищ подполковник.

— Это наш главный врач по всем болезням, — улыбнулся Лукин.

— Знакомьтесь. Ваш непосредственный начальник, — сказал Медведев.

— Цессарский, — представился молодой человек. — А вы Алевтина Николаевна Щербинина? Очень рады вашему прибытию. Давно ждали.

— Еще не так обрадуетесь, Альберт Вениаминович, когда Алевтина Николаевна передаст вам тот разнесчастный барабан, о котором вы нам все уши прожужжали, — усмехнулся Медведев.

— Получаете вы барабан, так сказать, с барабанщицей, — под общий хохот добавил Стехов.

Потом командир рассказал Щербининой, что беспокойный Цессарский житья не давал всем просьбами раздобыть барабан для стерилизации перевязочного материала. Щербинина и Птицын, будто зная их нужду, прихватили, уезжая из Тучина, и никелированный барабан вместе с другими медицинскими инструментами.

Альберту Вениаминовичу предложили познакомить Алевтину Николаевну с порядками в отряде, с ее новыми обязанностями.

А их у партизанского врача, оказывается, было немало: сопровождать группы на боевые задания, вести амбулаторный прием больных, проводить занятия с партизанами по медицинской подготовке, контролировать санитарное состояние людей, оперировать.

В партизанском отряде операционной нередко служила четырехугольная загородка из еловых веток под открытым небом, а операционным столом — повозка со снятыми бортами. Особенно трудно приходилось раненым и врачам при больших переходах, когда нужно было срочно оторваться от карателей. А фашисты не раз пытались покончить с народными мстителями на Ровеньщине, бросая против них танки, артиллерию, авиацию.

Однажды, после такого вот перехода, группа партизан наткнулась на фашистов. Погнали их. Алевтина Николаевна никак не могла поспеть за своими, а те, увлекшись боем, не заметили, что врач отстала. Пришлось ночевать в лесу: в темноте не смогла найти дорогу к своим. Конечно, страшно было, а особенно, когда обнаружила, что в подаренном ей пистолете нет бойка.

Ранним утром на опушке леса Щербинина столкнулась, как говорится, нос к носу с двумя дюжими парнями. Одеты в полувоенную форму. Раздумывать, кто они, свои или враги, некогда. Выхватила свою «пушку» без бойка и громко скомандовала:

— Руки вверх!

Эффект получился самый неожиданный. Неизвестные подняли руки.

— Что вы? Что вы? Мы военнопленные. Партизан ищем.

На душе отлегло, но на всякий случай обыскала. Убедившись, что задержанные безоружны, приказала следовать впереди. Всю дорогу отчитывала:

— Такие здоровенные мужики и в плен сдались! Как не стыдно!

Впоследствии эти ребята стали хорошими партизанами, но на первых порах им житья не давали в отряде — донимали шутками, узнав, что врач их взяла в плен с неисправным пистолетом.

В отряде тогда многие переживали, узнав, что любимый доктор потерялся, и очень радовались, когда она нашлась. Подполковник Медведев похвалил Щербинину за смекалку и смелость. Тепло поздравил Алевтину Николаевну с благополучным возвращением и Грачев. Он от души посмеялся, узнав подробности ее странствий, и особенно хохотал над

случаем, когда она взяла в плен двух мужчин.

Это была последняя встреча Щербининой с Грачевым. Такую фамилию носил в отряде легендарный разведчик Николай Иванович Кузнецов. Алевтина Николаевна встречалась и беседовала с ним не раз. Особенно запомнилась первая встреча.

…На партизанской базе появился новый человек. Выше среднего роста, широкоплечий, стройный.

Зашел как-то к медикам. Разговаривал. Шутил.

— А ведь мы с вами земляки, — сказал он тогда Щербининой. — И Пермь я знаю. В юности, после окончания техникума, работал в Кудымкаре…

Долго беседовали. Вспоминали родные края. Пели уральские песни.

От второй встречи Щербинина не могла долго опомниться, так напугал ее Кузнецов. Вечером вышла она из своего чума и оцепенела. Что за наваждение? В лагере прогуливается немецкий офицер при оружии, по форме одет! Но вот офицер повернулся в ее сторону, широко улыбнулся, и Алевтина Николаевна узнала Грачева. Улыбка сошла с лица, и до чего ж он стал похож на настоящего арийца! Видно, Николай Иванович тогда, как артист, входил в роль врага.

Расспрашивать земляка Щербинина ни о чем не стала. Излишнее любопытство, расспросы пресекались в отряде. К тому же она еще при первой встрече поняла, что этот интеллигентный, чрезмерно сосредоточенный человек выполняет какое-то особо важное задание. После войны она узнала, что это и был тот самый Пауль Зиберт.

Жизнь в отряде шла своим чередом, и ничто человеческое не было чуждо «медведям». Молодые партизаны и партизанки хорошо воевали и умели сильно любить. И партизанских свадеб в отряде прозвенело до десятка. Не прошло это прекрасное чувство и мимо Алевтины Щербининой. Покорил ее Саша Базанов. Хорошая, чистая родилась у них любовь. Но не суждено им было дошагать вместе по жизни до конца дней своих.

Умный и мужественный партизанский ротный командир Базанов не кланялся пулям, и они обходили его стороной. Сильный, закаленный, не боялся он никакой хвори, но против тифа не устоял. Свалил он его. Беда пришла тогда, когда фронт был уже рядом и партизанский отряд, оказавшись в ближайшем тылу у немцев, держал путь на Запад.

Трудно приходилось — кругом немцы и предатели-националисты, чинившие гнусные дела, стараясь заработать себе право на пропуск в Германию. Нападения, засады. Двигались с постоянными перестрелками и боями.

В любую свободную минутку Алевтина Николаевна старалась быть рядом с повозкой, где метался в бреду дорогой ей человек. Потом и сама заболела, но и в тяжелом состоянии ни на минуту не забывала о Саше. Болезнь его прогрессировала, и в одном из сел похоронили в сарае москвича Базанова, любимца отряда. Сарай потом сгорел, когда предатели, отступая, жгли село. И могила его потерялась…

Идет время, но не забывает бывшая партизанка пережитое, своих боевых друзей и подруг. Как бесценную реликвию хранит она книгу «Сильные духом» и областную газету, где есть строчки и о ее партизанских буднях, написанные Героем Советского Союза Д. Н. Медведевым. Там такие слова:

> «…Прошло каких-нибудь два месяца, но Алевтину Николаевну уже знал и любил весь отряд… Она как-то сразу расположила к себе партизан. Работая день и ночь, участвуя в походах на выполнении боевых заданий, А. Щербинина никогда не унывала. Она всегда находила веселые шутки, которые поднимали настроение раненых товарищей, любила песни. На вечерах самодеятельности, которые устраивали партизаны после удачно выполненных заданий, по праздникам и в часы досуга, она с охотой пела. Большой успех имели и русские народные танцы, которые исполняла врач-партизанка А. Щербинина».

Шлют Алевтине Николаевне весточки Ольга Петровна Солимчук (по мужу Волкова), Альберт Вениаминович Цессарский, Александр Александрович Лукин, Виталий Иванович Захаров. В одном из писем бывший комиссар отряда Сергей Трофимович Стехов писал:

> «Высшая награда для нас — это сознание выполненного долга перед Родиной. Я много ездил по Союзу и рассказывал о нашей партизанской борьбе, о замечательных партизанах и партизанках, в том числе и о Вас».

Бывший ровенский подпольщик главный хирург отдела здравоохранения Ровенского облисполкома Григорий Андреевич Клешкань делится со Щербининой радостью, что ему присвоено звание заслуженного врача Украинской ССР. Он пишет:

> «Много времени прошло, как мы расстались с Вами, а в памяти Вы остались прежней — внимательной и

радостной. Мне кажется, что я бы Вас и сейчас узнал, по голосу».

Нашлась и одна из подруг по плену. Помните Долю? Только она не Доля, а Татьяна Васильевна Пигнатти. Живет сейчас в Майкопе. Она пишет:

«Прошу заранее извинить меня, если мое письмо напомнит Вам о совместных месяцах тяжелого пути… Прошло много лет, как прочитала книгу Д. Н. Медведева «Сильные духом» и в ней нашла строчки о Вас. Это заставило меня много лет искать Вас. Во время встречи с немецкими товарищами в г. Сочи я неожиданно встретилась с Еленой Евстихлеевной Дмитриевой (Васильевой), которая была вместе с Вами в отряде Медведева. Она-то и посоветовала написать Альберту Вениаминовичу Цессарскому. И вот вчера я получила от него Ваш адрес…

Оставляя Вас под видом больной, мы не ошиблись. Помните последний наш разговор? Мы просили Вас связаться с партизанами Ровно и рассказать о нас, о тех, кого под силой оружия угоняют в Германию.

Путь наш на чужбину был полон крови и смерти. Многие погибли… Продолжать борьбу с фашизмом пришлось в лагере Равенсбрюк. Все мы отказались от работы на пороховых заводах Круппа в Дортмунде. Что с нами делали! Одно слово «Равенсбрюк» Вам скажет все. Тем более что Вы не понаслышке знаете, что такое фашистский плен и концлагерь.

Может, Вы вспомните меня? Звали меня в плену Доля. Я та маленькая, черненькая женщина, которая стояла за спиной Марии-Москва и сдерживала, и направляла ее действия…»

Нет, не забыла Алевтина Николаевна и подруг по плену, по лагерям. Такое не забывается. Обо всем этом она рассказывает землякам. Бывшая партизанка — частая гостья на предприятиях и стройках города, в родном институте, в школах. В своих выступлениях она горячо призывает советских людей к бдительности, к готовности выполнять долг перед матерью-Родиной как подобает.

В канун полувекового юбилея Великого Октября пришло известие о том, что Указом Президиума Верховного Совета СССР Алевтина Николаевна Щербинина за активное участие в Великой Отечественной войне награждена орденом Отечественной войны.

Через всю жизнь несет эта добрая, с необыкновенной судьбой женщина прекрасные горьковские слова о нужности и полезности людям, которые стали ее девизом в ранней юности.